

Виктор Алеветдинов

Печати Небесной крови

Книга 1

Печать Чёрного Неба

18+

Историко-мистический боевик

Виктор Алеветдинов
Печать Чёрного Неба

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Печать Чёрного Неба / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

В древности люди и великие существа заключили Первый договор: древние не вмешиваются в человеческую власть, люди не используют их тела, имена и память как источник силы. Но позже правители заменили согласие подчинением, а добровольных свидетелей — наследственной кровью. Так возникла Небесная канцелярия, решающая, какая история считается законной. Клан Ли участвовал в создании этой системы и вывел «пустую» линию Воронцов — людей, способных принимать несовместимые печати. Предков Глеба Воронца выращивали как живые инструменты. Осень 1650 года. После разгрома каравана русский изгнанник Глеб получает чёрную метку, ломающую демонические техники ценой личной памяти. Вместе с Ли Шэньюэ, последней мастерицей уничтоженного клана, он должен добраться до степного провала Чёрного Неба и остановить бывшего хранителя печатей, пока тот не принесёт в жертву тысячи людей и не сотрёт пограничье из памяти мира.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Горящий караван	5
Глава 1. Плата за дорогу	5
Глава 2. Нефритовый груз	11
Глава 3. Камень без названия	16
Глава 4. Круг без звёзд	21
Глава 5. Дом Ли	25
Глава 6. Девятый свидетель	29
Глава 7. Первая чёрная линия	34
Часть II. Человек без памяти	40
Глава 8. Правила чужой ладони	40
Глава 9. Брошенная застава	46
Глава 10. Следы к пустому камню	52
Глава 11. Камышовая переправа	57
Глава 12. Имя, которого нет	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктор Алеветдинов

Печать Чёрного Неба

Часть I. Горящий караван

Глава 1. Плата за дорогу

К утру дорога подсохла только сверху. Под тонким слоем грязи лежала холодная твёрдая земля, и телеги шли с тяжёлым скрипом. Лошади тянули плохо, возчики хмурились, а приказчик делал вид, что всё идёт по порядку.

Глеб Воронец начал обход с последней телеги. С хвоста чаще всего и начинались настоящие проблемы. Приказчик туда заглядывал редко, зато дорога ошибок не прощала.

У первой же ступицы Глеб присел и постучал по клину рукоятью ножа. Клин сидел неплотно. Возчик, молодой парень с красными от недосыпа глазами, сразу начал оправдываться:

— Так идёт из Иркутска.

— Из Иркутска шло, а дальше развалится. Клин забей заново.

— Сейчас?

— До выезда. На ходу колесо не починишь.

Парень посмотрел на колесо внимательнее и полез за молотком.

Глеб пошёл дальше. Слева тянулась жухлая трава, справа темнели кусты у пересохшего ручья. Ветер шёл со стороны Амура, пахло сырой землёй, конским потом и дымом от утренних костров.

У пороховой телеги Глеб остановился. Бочку прикрыли рогожей, но рядом положили мешок с овсом. Поверх мешка валялась связка фитилей во влажной тряпице. Он развернул край, понюхал и сжал губы.

— Кто положил?

Охранник у телеги отвёл взгляд. Возчик сразу посмотрел туда, где стоял приказчик.

— Михаило велел. По описи так вышло.

— По описи оно и промокнет.

Приказчик Михаило стоял возле передних повозок и считал мешки по дощечке с зарубками. Кафтан на нём был дорогой, но запылённый. Лицо круглое, лоб потный, хотя утро было холодным.

— Воронец, опять задержка? — спросил он. — Солнце нас ждать не станет.

— Порох надо убрать от спальных телег. Фитили просушить. И дозорных у тебя меньше, чем было в уговоре.

Михаило медленно повернулся.

— В ведомости восемь человек охраны.

— На ногах шесть. Один кашляет кровью. Второй вчера упал с коня и левую руку поднять не может.

— Ты для того и нанят, чтобы держать порядок.

— Я нанят охранять караван. Дыры в твоей экономии телом закрывать не нанимался.

Писец Савва Кривич сидел у ящика с бумагами и чинил перо. При этих словах он опустил глаза. Савва был переводчиком, лекарем и человеком негромким. Такие в караване жили дольше крикунов.

Михаило спустился с подножки.

— Сейчас не время торговаться.

— Самое время. Дальше будет поздно. Половину платы вперёд.

— Уговор был после прохода.

— Уговор был при восьми здоровых охранниках и нормальном порохе. У нас уже другой караван.

— Ты давишь на меня перед людьми.

— Они и без меня всё видят.

Возчики притихли. Охранники смотрели в сторону, но слушали.

— Половину не дам.

— Тогда я уйду сейчас. Боро тоже уйдёт. Савва, может, останется, он человек добрый.

Только добротой налёт не отбивают.

Савва поднял перо и спокойно сказал:

— Я лекарь. Налёт я отбиваю хуже, чем жар.

Несколько возчиков коротко усмехнулись. Михаило покраснел, полез за кошелём и отсчитал серебро. Монеты легли в ладонь Глеба. Одна была срезана по краю. Глеб вернул её приказчику.

— Эту оставь. За неё и на пристани будут ругаться.

— Ты много себе позволяешь.

— Пока мало. Пороховую телегу переставить ближе к заднему проходу. Людей рядом с ней на ночь не класть. У закрытой повозки поставить отдельного караульного.

Михаило сразу напрягся.

Закрытая повозка стояла чуть в стороне. Крепкая, с двойной обшивкой, новым замком и плотной тканью на окнах. По словам приказчика, там ехала торговая вдова с дорогим товаром.

— Там женщина, — сказал Михаило. — Не надо пугать её своими подозрениями.

— Если товар дорогой, за ним придут первым. Если женщина богатая, её тоже не оставят.

— Она заплатила за тишину.

— А мне платят за то, чтобы ночью людей не резали.

Михаило отвернулся, и спор закончился.

Глеб подошёл к закрытой повозке. Женщина стояла у заднего колеса и проверяла ремни на ящике. На ней был тёмный дорожный халат, простой платок и перчатки без украшений. Для богатой вдовы она была одета скромно, для простой — держалась уверенно.

Она подтянула ремень коротким точным движением и сразу нашла слабое место.

— Замок плохой, — сказал он.

Женщина подняла глаза. Страх в лице не было.

— Замок новый.

Говорила по-русски с выговором, но слова ставила верно.

— Новый замок тоже открывают.

— Вы проверяете все замки?

— Все, из-за которых могут убить моих людей.

— Ваших?

— Пока я получил плату, да.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Мне сказали, вы охраняете дорогу, а не задаёте вопросы.

— Кто так сказал, тот хотел удобную охрану.

Она на миг улыбнулась. Потом коснулась замка рукавом, не пальцами.

— Вашу повозку поставят ближе к середине, — сказал он. — Ночью к ней без моего слова никто не подходит.

— Даже мои люди?

— Особенно ваши.

— У меня нет людей.
— Это я уже заметил.

Она помолчала.

— Ли Шэньюэ.

Имя прозвучало непривычно, с мягким переломом в середине.

— Глеб Воронеж.

— Я знаю. Ваше имя здесь часто говорят.

— Недобрым словом?

— Недовольным.

— Значит, слышали честных людей.

Ли опустила взгляд к ящику. Ткань на углу сдвинулась, и Глеб увидел светлую доску. На ней не было купеческой метки. Вместо метки тянулась полоса тёмного лака. Похоже, старую надпись закрыли недавно.

— Что везёте?

— То, за что заплачено.

— Так отвечает приказчик.

— Вдова без приказчика быстро учится.

Ли поправила ткань, закрыв доску.

С дальнего края дороги донёлся короткий свист. Боро Чулуу стояла на низком увале и держала лошадь за повод. Ветер трепал край её вытертой шубейки. Лук висел за плечом так, чтобы не мешать садиться в седло.

Если Боро звала его при всех, значит, дело было серьёзное.

Глеб поднялся к ней.

— Что там?

Боро присела у обочины и показала на участок дороги. С первого взгляда там не было ничего особенного: мокрая земля, старая колея, примятая трава.

— Здесь прошли до нас, — сказала она.

— Сколько?

— Двое всадников. Следы сбивали травой. Один конь подкован иначе.

Глеб присел рядом. Сам он следы читал неплохо, но Боро видела больше и не любила пустых догадок.

— Разведчики?

— Да. Они смотрели караван и ушли к северному склону.

— Нас считали?

— Считали.

Глеб посмотрел на дорогу. Случайные разбойники обычно спешили и шумели. Перед хорошей засадой работали тихо.

— Объезд есть?

— Есть. Потеряем день. Корма не хватит, если пойдёт дождь. Назад тоже плохо. Лошади уже устали.

Глеб пошёл к приказчику.

— Мы не можем возвращаться, — сказал он. — И объезжать не можем. У нас срок.

— У мёртвых сроков нет.

— Если мы свернём, корма не хватит.

— Если попадём в засаду, корм останется целым. Люди нет.

— Это догадки.

Боро спокойно сказала:

— Следы настоящие.

Михаило смерил её взглядом.

— Проводники любят пугать караваны.

Глеб шагнул ближе.

— Ещё раз скажешь такое проводнику — пойдёшь впереди пешком. Сам проверишь дорогу.

Приказчик сглотнул. Возчики притихли.

— Делай свой порядок, Воронец, — сказал Михаило. — Но назад мы не идём.

Корма взяли мало. Телеги перегрузили. Люди устали ещё до опасного участка. Михаило сэкономил на всём, что не бросалось в глаза сразу. Теперь за эту экономию мог заплатить весь караван.

Перед выходом Глеб переставил телеги. Пороховую отвели ближе к заднему проходу. Между возами оставили место для раненых. Двух охранников отправили по краям. Одного поставили у повозки Ли. Савве Глеб велел держаться рядом с долговыми работниками.

— Почему с ними? — спросил Савва.

— Потому что за них уже заплатили другие.

Савва хотел ответить, но промолчал.

К полудню караван двинулся. Сначала люди переговаривались, потом разговоры стали короче. На дороге не было обычного шума.

Глеб ехал сбоку. Иногда уходил вперёд, потом возвращался к хвосту. У открытых телег сидели работники. В ведомости они значились помощниками при грузе. По лицам было видно: не все пришли сами. Одни смотрели в землю, другие держались за узлы с одеждой. Приказчик называл номер телеги, и люди вздрагивали.

У одной повозки мальчишка лет двенадцати пытался затянуть ремень на мешке. Руки у него дрожали. Глеб спешил и сам дёрнул пряжку.

— Имя?

Мальчишка замер.

Женщина рядом быстро сказала:

— Егорка. Племянник мой.

Мальчишка глаз не поднял. На шее у него был ремешок без бирки. У долговых работников бирка обычно висела на груди или у пояса.

На коротком привале Глеб нашёл Савву у телеги с ящиками.

— Покажи людскую ведомость.

Савва оглянулся на приказчика.

— Михаило не любит, когда охрана смотрит бумаги.

— Я тоже много чего не люблю.

Савва достал из кожаной папки листы. Часть записей была русской рукой, часть — чужими знаками. К некоторым строкам крепились узкие деревянные бирки. У свободных работников стояла плата. У долговых — сумма, хозяин и срок службы.

— Сколько людей по открытой ведомости? — спросил Глеб.

— Двадцать семь работников и возчиков. Без охраны и купеческой части.

— А бирок?

Савва перебрал связку и сверил с листом. Лицо у него стало внимательнее.

— Больше.

— Насколько?

— На четыре.

— Ошибка?

— Может быть. Иногда бирку не снимают после смерти. Иногда место записывают заранее.

— Место под кого?

Савва аккуратно сложил листы.

— Под того, кого заберут дальше.

Глеб посмотрел на закрытую повозку.

— Человек не место в ведомости.

— В бумаге бывает иначе.

— Бумага не кричит, когда её режут.

Савва устало потёр переносицу.

— Я не хозяин каравана, Глеб.

— Я тоже. Но если ночью придут не за сундуками, а за людьми, хозяин первым спрячется за сундук.

У закрытой повозки Ли снова проверяла крепления. Михаилу стоял рядом и говорил с ней мягко:

— Дорога под надёжной охраной. Воронеж привык видеть опасность в каждой кочке.

— Кочка тоже может сломать ось, — ответила Ли.

Михаило не понял, насмешка это или нет, и решил отойти.

Глеб присел у заднего колеса. Обод был целый, зато нижняя доска с внутренней стороны имела свежие царапины. Её недавно снимали и ставили обратно. Гвозди забили торопливо.

— Ремонтировали? — спросил он.

— Да.

— Кто?

— Люди приказчика.

— Плохо сделали.

— Я заметила.

— И молчали?

— Я не нанимала здесь плотников.

Ответ был спокойный. Глеб поднялся.

Вдоль стенки висели деревянные бирки. Для одной торговой повозки их было много. На таких бирках не писали название товара. На них писали имена.

Ли шагнула и закрыла проём.

— Там учёт, — сказала она.

— У товара нет имени.

— На границе иначе ведут записи.

— На границе многое делают иначе.

Её взгляд стал осторожнее.

— Вы подозреваете меня?

— Я подозреваю всех, кто везёт закрытую повозку и не говорит, что внутри.

— Тогда начните с приказчика.

— Уже начал.

Караван снова тронулся. Тучи опустились ниже, день стал серым. Дорога пошла между каменистым склоном и сырой низиной. Лошади тянули хуже. Одна перегруженная телега качалась на каждом ухабе, и Глеб велел снять с неё часть мешков.

Михаило подошёл бегом.

— Эти мешки должны быть именно там.

— Теперь будут здесь.

— У меня опись.

— У меня колесо, которое не выдержит до вечера.

— Ты распорядишься товаром без права.

— Я распоряджусь весом. Товар можешь нести сам.

Приказчик открыл рот, но посмотрел на возчиков и передумал. Мешки переложили. Телега пошла ровнее.

Боро вернулась ближе к вечеру. При людях она ничего не сказала. Только показала Глебу два пальца и провела рукой поперёк дороги. Впереди снова пересекали путь.

Глеб кивнул и велел сократить разрыв между телегами.

— Ночевать где будем? — спросил один из охранников.

— Не здесь.

— До колодца дойдём?

— Если ещё одна телега не сядет на ось.

Перед закатом они остановились у мелкой ложбины. До нормальной стоянки оставалось идти, но одна телега требовала ремонта. Если бы она встала на дороге ночью, задержала бы всех.

Глеб поставил людей полукругом, велел не разводить лишних костров и сам пошёл к последним повозкам. Возчики ругались тихо. Охранники проверяли тетивы и сушили фитили под полами кафтанов. Теперь никто не говорил, что тревога пустая.

У закрытой повозки караульный стоял далеко от дверцы.

— Что случилось? — спросил Глеб.

— Внутри стучало.

— Когда?

— Только что.

— Почему не позвал?

— Думал, ящик съехал.

— Ящик не затихает, когда к нему подходят.

Караульный побледнел.

— Так там же товар.

— Все так говорят.

Глеб поднялся на подножку. Задний замок висел целый. Сбоку под тюком была малая створка для воздуха. Её закрывала доска на двух деревянных шпёнках. Один шпенёк стоял криво. Глеб поддел его ножом, вынул и отодвинул доску.

Внутри было темно. Пахло деревом, тканью и свежим жжёным берёзовым краем. Глеб подождал, пока глаза привыкнут, и увидел край ящика, свёрнутый ковёр и связку бирок на внутреннем крюке.

Он просунул руку и снял ближайшую. Дерево было светлое. Буквы выжгли недавно, края ещё пахли дымком. Имя было русское: «Степан Никифоров».

Глеб перебрал в памяти людей каравана. Степана Никифорова среди них не было. В открытой ведомости такого имени он тоже не видел.

За спиной тихо сказала Ли:

— Не открывайте дальше.

Глеб медленно обернулся. Она стояла у колеса без платка. Ветер выбил прядь волос у виска, но лицо оставалось спокойным. Для вдовы, в чьей повозке нашли чужое имя, она держалась собранно.

— Поздно, — сказал Глеб.

Он сжал свежую бирку в ладони. За закрытой дверцей снова что-то едва слышно стукнуло.

Глава 2. Нефритовый груз

Ли Шэньюэ не стала смотреть на бирку в руке Глеба долго. Лишний взгляд был бы признанием. Она ждала, что он сделает дальше.

Глеб стоял у задней створки повозки. Свежая бирка лежала у него на ладони. За дверцей снова тихо стукнуло.

— Открывай, — сказал Глеб.

Ли поняла: спорить прямо нельзя. Такого человека прямой запрет только подтолкнёт.

— Сначала позовите Савву, — сказала она. — Пусть сверит имя с ведомостью. Тогда у вас будет запись, а не только подозрение.

— Если там человек, я открою.

— Если там человек, откроете при свидетеле.

Глеб посмотрел на неё тяжело, но не спешил. Ли понимала такое недоверие лучше вежливости.

— Вы хорошо знаете, как говорить с охраной.

— Я хорошо знаю, как говорят приказчики.

Он кивнул караульному.

— Савву сюда. И Михаила. Без крика.

Караульный ушёл бегом. Глеб не поставил доску на место. Ли это не понравилось. Внутри было много лишнего для наёмника с хорошим глазом.

Она проверила задний ремень. Ящик стоял на месте. Под двойным дном лежал родовой обломок, и с полудня от него шло тепло.

Ли почувствовала это раньше, когда караван прошёл низкое место между камнями. Нефрит должен был откликнуться ближе к старому колодцу. До края северного узла, по её расчёту, оставалось ещё несколько вёрст. Но обломок нагрелся.

Ошибиться могла карта. Нефрит отвечал не на карту, а на условие.

Савва пришёл первым. За ним появился Михаил. Приказчик пытался идти спокойно, но у колеса поскользнулся и сразу разозлился.

— Что опять? — спросил он. — Мы теряем время.

Глеб поднял бирку.

— Кто такой Степан Никифоров?

Михаило моргнул.

— Работник.

— Где он?

— В другой телеге.

— В какой?

Приказчик не ответил сразу. Савва взял бирку, поднёс к свету и провёл пальцем по краю.

— Имя выжгли недавно.

Михаило выдернул бирку у него из руки.

— Ты теперь каждого работника по лицу знаешь?

— Достаточно, — сказал Глеб. — Покажи ведомость.

— Моя копия у меня. И останется у меня.

Ли вмешалась до того, как спор стал дракой.

— У меня есть дорожная копия. Неполная. Мне дали её при погрузке.

Михаило резко повернулся к ней.

— Вам дали купеческий лист.

— Значит, вы покажете полный.

Он натянул улыбку.

— У речки посмотрим. Здесь бумаги намокнут.

— У речки, — сказал Глеб. — До тех пор повозку не трогать. Караульный остаётся у дверцы.

— Ты задерживаешь караван из-за одной бирки.

— Из-за четырёх лишних бирок.

Михаило посмотрел на Савву. Тот не отвёл глаз. Приказчик сжал папку с бумагами так, что кожа скрипнула.

До мелкой речки они дошли через час. Вода была мутная, берег глинистый. Лошадей подвели по очереди. У одной телеги просело заднее колесо. Михаило ругался, но тише.

Ли дождалась, когда у её повозки останется один караульный, и забралась внутрь. Снаружи слышались голоса и хлопанье воды. Внутри пахло деревом и нагретым нефритом.

Она закрыла створку, оставив щель для света. Сняла верхний ковёр, отодвинула ящик и нажала на скрытый шпенёк. Двойное дно поднялось без скрипа.

Под ним лежал свёрток из тёмной ткани. Шёлковая нить была целой. Ли развязала узел и открыла родовой обломок.

Нефрит был размером с ладонь. Обломанный край темнел. Камень не должен был греться так рано.

Ли положила его на дощечку и коснулась ногтем края. Нефрит ответил слабым толчком. Это был не зов места. Отклик был ближе, будто обломок слышал дыхание рядом с повозкой.

Снаружи прошёл Савва. Нефрит молчал. Следом прошла Боро. Ничего.

Потом у колеса остановился Глеб.

— Вдова, вы там живы?

Обломок едва дрогнул. Ли накрыла его ладонью.

— Это обычная проверка?

— Сегодня обычное быстро заканчивается. Савва нашёл слово в бумагах.

Ли спрятала обломок, опустила дно и только потом открыла створку.

У дымящего костра Савва разложил листы на крышке ящика. Глеб стоял рядом. Михаило держался поодаль.

Савва положил перед Ли два листа.

— В копии Михаила здесь написано «работники при грузе». В вашем листе другое слово. Я сначала прочёл как «переведённые».

— Перемещённые, — сказала Ли.

— У нас так не говорят, если человек просто нанят.

Глеб посмотрел на приказчика.

— Что значит «перемещённые»?

Михаило развёл руками.

— Бумажное слово.

Савва тихо сказал:

— Писцы лишних слов не ставят. За лишнее слово можно получить лишнюю палку.

Ли провела пальцем над строкой, не касаясь чернил. На сгибе бумаги темнела красноватая отметка. Её пытались выдать за грязь, но пятно лежало правильно.

— Кто ставил печать на сгибе? — спросила она.

— Это грязь, — сказал Михаило.

Ли достала маленькую нефритовую пластину и прижала край к отметке. Красноватый след проступил яснее. Савва отпрянул.

— Кровь?

— Похоже.

Глеб не шелохнулся.

— На ведомости?

— На той части, которую редко разворачивают.

Михаило побелел от злости.

— Вы обвиняете меня в колдовстве?

— В небрежности, — сказала Ли. — Колдовство вы бы так плохо не спрятали.

Савва кашлянул в кулак. Глеб посмотрел на неё с интересом. Михаило не оценил.

— Бумагу дали при погрузке, — сказал он. — Я не ставил никаких знаков.

— Кто дал?

— Старший на складе.

— Имя?

Приказчик замолчал. Ли увидела: он выбирает, какое имя можно отдать без вреда. Всея схемы он не знал. Он только взял деньги за молчание.

— Бумаги остаются у Саввы, — сказал Глеб.

— Это моя ведомость.

— Теперь общая.

— Ты не имеешь права.

— Зато люди хотят дойти живыми. Иногда этого достаточно.

Приказчик посмотрел на охранников. Никто не двинулся к нему. Савва быстро сложил листы в папку.

Ли поднялась. Красноватая отметка была частью внешнего контура. Слабым следом, но настоящим. Караван был вписан в чужое условие.

Ли заметила на его рукаве тёмную полоску засохшей крови. Порез был свежий, но Глеб не смотрел на руку. Для него сейчас важнее была бумага. Так ведут себя люди, привыкшие сначала закрывать опасность, а потом считать собственные раны.

У речки раненый возчик пытался поднять мешок одной рукой. Мешок съехал и ударил его по ноге. Мужик сел в грязь и зашипел.

— Встать! — Михаило дёрнул возчика за плечо. — Не время лежать.

Глеб подошёл, снял мешок с ноги возчика и отбросил к телеге.

— Руку покажи.

— Доеду.

— Доехать можно и с оторванной рукой. Толку мало.

Савва подошёл с тряпицей и мазью.

— Не ломай его окончательно.

— Я чиню, как умею.

Раненый возчик усмехнулся и тут же застонал. Глеб взял его за запястье. На ладони у Глеба Ли увидела свежий порез. Неглубокий, но кровь ещё выступала у основания большого пальца.

Под двойным дном коротко дрогнул нефрит.

Ли почувствовала отклик через борт повозки. Не сильный, но явный. На кровь.

Она сделала вид, что поправляет ремень, и не отвела взгляда. Глеб вправил возчику руку, Савва перевязал плечо. Когда Глеб отпустил запястье раненого, дрожь в нефрите стала слабее.

Значит, дело было не только в крови.

Ли дождалась, когда Глеб ушёл к передним телегам, и проверила обломок на других. Караульный подошёл вплотную — тишина. Боро прошла рядом — тишина. Савва задержался у колеса — только слабое тепло, которое шло от самого камня. Ли надрезала себе палец под перчаткой. Капля крови впиталась в ткань. Нефрит не ответил.

Она убрала нож. Очень хотелось ошибиться.

Глеб вернулся позже. Он увидел, как Егорка тащит ведро к телеге. Вода плескалась на ноги.

— Отдай, — сказал Глеб.

— Сам донесу.

— Донесёшь половину. Остальное выльешь.

— Я могу.

— Вижу. Поэтому держи дверь и не спорь.

Он взял ведро и поставил возле женщины, которая утром назвала Егорку племянником. Под рогожей лежал старик. Он попытался подняться, закашлялся, и кружка дрогнула бы у него в руке, если бы Глеб не подхватил её.

— Медленнее, — сказал он. — Вода никуда не ушла.

Егорка впервые посмотрел на него прямо. Не доверчиво, но без прежнего страха.

Нефрит нагрелся резко. Ли сжала край борта. Обломок откликнулся, когда Глеб сам принимал чужую тяжесть. Без платы и приказа.

Ли отвернулась к ремням, чтобы лицо осталось спокойным.

Обломок искал не обычную родовую подпись. У каждого в караване была кровь и родовая подпись. У Глеба знак не находил привычного входа. Его кровь не отталкивала условие, но и не подчинялась ему. В этом промежутке старые правила могли зацепиться.

Савва подошёл к её повозке с папкой.

— Ли, можно?

— Можно.

— Если я снова скажу «госпожа», не сердитесь. Я лекарь, мне спокойная жизнь нужна.

— Тогда не говорите.

Он показал нижнюю строку.

— Нашёл ещё одну разницу. В копии Михаила рядом с частью работников стоят суммы. В вашей копии вместо суммы знак.

Савва начертил его пальцем на полях. Ли видела такой знак в северных записях. Им отмечали человека, которого выводили из обычного учёта в долговой контур.

— Это не купеческая запись, — сказала она.

— Глебу сказать?

Ли посмотрела на него.

— О разнице в ведомостях — да. О знаке — пока нет.

— Почему?

— Я не знаю его полного действия.

Савва закрыл папку.

— Глеб любит, когда ему говорят прямо.

— Я заметила.

— И плохо переносит, когда за него решают.

— Это тоже заметила.

Савва вздохнул.

— Я не учу. Просто если вы поссоритесь, лечить придётся мне.

Он ушёл к раненому.

Ли осталась у повозки. Ей нужно было решить, говорить ли правду сейчас. Правда откроет груз. Глеб полезет в ящик. Михаилу начнёт спасать себя. Люди испугаются. Тот, кто поставил кровавую отметку, узнает, что его след прочитали.

Молчание оставляло риск для всех.

Ли медленно надела перчатку на порезанный палец.

Она могла назвать это осторожностью. Наставники назвали бы это верным порядком работы: сначала прочесть условие, потом действовать. Но здесь рядом шли не строки на пластине, а живые люди. От этой мысли решение не становилось легче. И честнее не становилось. Даже для неё.

Она выбрала молчание и сразу почувствовала его вес. Чужой риск, который она оставила при себе.

Глеб прошёл мимо её повозки. На перевязанной ладони проступала кровь.

— Савва сказал, в бумагах есть разница, — произнёс он.

— Есть.

— Вы знали?

— Нашла только сейчас.

— А до этого что нашли?

Вопрос был точный. Ли ответила не сразу.

— Что ваша повозка интересуется не только вас, — сказал Глеб. — И что Михаило врёт хуже, когда устал. Это я сам нашёл. Я спрашиваю про вас.

Нефрит под двойным дном начал нагреваться.

— Я нашла, что дорога опаснее, чем обещали, — сказала Ли.

— Это все нашли.

— Не все сделали вывод.

Он усмехнулся краем рта.

— Удобный ответ.

— Верный.

— Удобное часто бывает верным. Честным от этого не становится.

Он пошёл дальше. В этот миг под двойным дном тихо щёлкнуло. Ли дождалась, пока Глеб отойдёт, и быстро забралась в повозку.

Ткань на свёртке сдвинулась сама. На молочно-зелёной поверхности нефрита проступила чёрная линия. Неровная, незавершённая, будто знак оборвался на середине.

Ли накрыла обломок ладонью. Линия не исчезла. Она держалась в глубине камня и указывала в сторону Глеба, который проходил между телегами к переднему ряду.

Обломок нашёл его.

Глава 3. Камень без названия

После привала караван шёл медленнее. Лошади напились, но легче от этого не стало: глина налипала на колёса, просевшая телега тянула весь ряд, а Михаило оглядывался на небо, будто мог взглядом удержать дождь.

Глеб ехал сбоку и смотрел не на тучи, а на дорогу. После лишних бирок и кровавой отметки в ведомости обычный налёт не выглядел обычным. Много чужих рук заранее знали, где пройдёт караван.

Боро подняла руку у передней телеги. Глеб подъехал к ней и спешился.

— Дальше я пойду с тобой.

— Сам решил?

— Если ты найдёшь ещё один след, Михаило скажет, что это от скуки. Если найду я, будет труднее спорить.

Боро коротко хмыкнула и пошла вдоль дороги, не наступая в колею. Глеб держался рядом и старался не мешать. Он видел примятую траву, надломанный стебель, след копыта на влажном пятне. Боро останавливалась там, где для него была земля, приседала, трогала пальцем песок и шла дальше.

— Здесь их было двое, — сказала она.

— Те же?

— Один тот же. У второго конь легче. С утра его не было.

— Подошёл позже?

— Или ждал здесь.

Глеб посмотрел на низкий склон справа. Между редкими кустами можно было спрятать пару коней, но не отряд.

— Не место для засады.

— Для глаз место хорошее.

Они прошли ещё с полверсты впереди каравана. Дорога стала уже. Слева низина уходила к сырому месту, где вода стояла между кочками. Справа каменистый склон поднимался полого, но телеги туда не затащить без потери времени.

Боро остановилась у полосы голой земли.

— Смотри.

Глеб присел. На земле были две ровные борозды.

— Волокли жердь?

— Стирали след. Вели коня, потом замели веткой.

— Нарочно оставили так, чтобы ты увидела?

— Нарочно оставляют грубее. Здесь торопились.

Глеб встал. Караван подходил ближе. Михаило ехал у первой телеги и махал рукой, чтобы не задерживались.

— Дальше что? — спросил Глеб.

— Дальше колодец. Его все знают.

— Хорошо знают?

Боро посмотрела на него.

— Поэтому плохо.

Перед колодцем дорога делала небольшой изгиб. На краю изгиба стоял камень. Невысокий, наполовину вросший в землю. Сначала Глеб решил, что это старый дорожный знак. Потом подошёл ближе и увидел, что верхняя часть сбита. Там, где должно было быть название места, осталась стёртая полоса.

— Поселение было? — спросил он.

Боро покачала головой.

— Дымовых ям нет. Скот давно бы выбил тропу к воде. Здесь стояли не жить.

На боку камня были две отметки. Одна похожа на старый сборный знак. Вторая была чужая Глебу: короткая черта и полукруг, вырезанные неглубоко. Поверх неё позже провели ножом, будто хотели испортить рисунок, но не решились сбить весь край.

— Савву сюда.

Савва подошёл, прижимая к груди папку с бумагами.

— Если это ещё одна ведомость, я уйду в монахи обратно.

— Ты уже был почти монахом.

— Вот именно. Второй раз не выдержу.

Он наклонился к камню и потрогал стёртую полосу.

— Название сбили давно. А этот знак резали позже.

— Чей?

— Первый — дорожный. Сбор или проход. Второй не знаю. Похож на служебную метку, но не русскую.

Ли стояла у своей повозки. До камня она не подходила, но смотрела внимательно. Глеб заметил это и махнул ей.

— Посмотрите.

Михаило сразу вмешался:

— Нам некогда всем камни изучать. До колодца рукой подать.

— Тем более успеем.

Ли подошла не сразу. Встала у камня так, чтобы не касаться его одеждой. Смотрела на испорченный знак дольше, чем на стёртое название.

— Это место использовали для договоров, — сказала она.

— Для каких?

— Старых. О проходе, воде, долге.

— А это? — Глеб показал на полукруг.

Ли чуть помедлила.

— Половина служебного знака. Его перевернули.

— Случайно?

— Такие вещи случайно не переворачивают.

— Значит, своим оставили знак, что здесь безопасно?

Она посмотрела на него.

— Или что здесь действует чужое правило.

Ответ ему не понравился. Он не любил слова, которые не дают решения. Но Ли сейчас не врал. Скорее, удерживала часть правды при себе. Полуправда злила, но оставляла ход.

Михаило подъехал ближе.

— Всё? Теперь можно идти? У колодца вода. Лошади устали, людям надо есть.

— На склоне безопаснее, — сказала Боро. — Выше, суше. Подъезд один.

— И воды нет, — ответил приказчик. — Лошадей ты поить будешь своими следами?

Боро спокойно посмотрела на него.

— Лошадь можно напоить сейчас и увести выше.

— А телеги? А больные? А груз? К утру половина людей свалится, если не поставит лагерь нормально.

Глеб посмотрел на колодец. Место годилось и для стоянки, и для нападения. Вода рядом, телеги легко поставить кругом. Если люди встанут как привыкли, их удобно бить.

— Если остаёмся здесь, телеги ставим не как обычно, — сказал он.

Михаило всплеснул руками.

— Опять?

— Да. Привыкай. Порох ближе к выходу. Лошадей держать под седлом до темноты. У закрытой повозки два человека.

— Это уже не охрана, а осада.

— Осада дешевле похорон.

Савва тихо сказал:

— Похороны тоже не всегда дешёвы.

Михаило посмотрел на него словно хотел вычеркнуть из ведомости, но сейчас никто не смеялся. Люди слушали Глеба.

Он начал ставить караван сам. Первую телегу развернули поперёк дороги, вторую подтянули к ней под углом. Между колёсами оставили проход, который можно было быстро закрыть. Тюки с края переложили так, чтобы они прикрывали людей, а не товар.

— Осторожнее! — крикнул Михаило, когда ящик с дорогой тканью поставили у грязного борта.

— Сегодня ткань будет стеной, — сказал Глеб. — Людей считаю отдельно.

Ли слышала это. Глеб видел краем глаза: она стояла у своей повозки, держа ладонь на борту. После речки она смотрела на него иначе. Не мягче. Внимательнее. Будто видела не человека, а задачу.

Это ему не нравилось.

— Воронец, — окликнула она, когда он проходил мимо.

— Что?

— Если нападут, не ставьте людей спиной к камню.

— Почему?

— Место старое. Лучше не давать ему людей за спиной.

— Понятнее можно?

Ли посмотрела на камень, потом на колодец.

— Если придётся отступать, отступайте к склону. Не к камню.

— Это вы знаете или проверяете?

— Проверяю.

— Хорошее слово. Им удобно прикрывать всё, что вы не говорите.

Она не обиделась.

— Да.

Честный ответ его разозлил. С людьми, которые ввали плохо, было проще.

Глеб поставил у камня внешний дозор, ближе к склону велел вырыть мелкую канавку для углей. Фитили сушили у жара под присмотром. Слабых отправили внутрь круга, людей с оружием — к проходам. Караван ворчал, но двигался.

Боро вернулась перед самым закатом.

— На северном склоне был человек.

— Сейчас?

— Ушёл. Оставил след нарочно. Хотел, чтобы мы подумали, будто он один.

— А сколько?

— Не знаю.

Для Боро это было сильнее тревоги. Она редко говорила «не знаю» и никогда не прятала его за длинными словами.

— Значит, двойной дозор, — сказал Глеб.

— Внешний отрежут первым.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Чтобы остальные успели проснуться.

Боро кивнула. Ей не нужно было объяснять цену.

Михаило услышал и побледнел.

— Ты ставишь людей на смерть?

— Я ставлю людей на дозор. Разница будет зависеть от тех, кто придёт.

— А если никто не придёт?

— Тогда утром они будут ругаться и требовать горячей каши. Это я выдержу.

Колодец оказался старым. Сруб потемнел, верёвка была новая. Это Глебу тоже не понравилось. Если место давно пустое, верёвка не должна быть новой. Он велел набрать воду до темноты и больше к колодцу без пары не ходить.

Савва опустил ведро, поднял, понюхал воду.

— Пить можно. Если не думать, что в неё падало.

— Можешь не думать?

— Я лекарь. У нас богатое воображение, но плохой выбор.

Глеб отпил первым. Вода была холодная, с железным привкусом. Он подождал немного и пустил к колодцу остальных.

Егорка помогал старой женщине держать кружку. Глеб заметил, что мальчишка не отходил далеко от закрытой повозки, хотя старался смотреть в другую сторону. Значит, в той повозке мог быть не только чужой список, но и чужой страх.

Он хотел снова проверить створку, но Ли стояла рядом с телегой. Не мешала открыто, была там, где надо.

— Вы каждый раз будете вставать между мной и своей повозкой? — спросил Глеб.

— Пока вы каждый раз будете к ней подходить.

— Справедливо.

— Не совсем.

— Зато понятно.

Она слабо улыбнулась, но сразу стала серьёзной.

— Сегодня ночью не называйте полные имена без нужды.

— Почему?

— Здесь старое место. Имена могли использовать в договоре.

— Вы опять говорите половину.

— Потому что целого не знаю.

Глеб посмотрел на неё. В этот раз ответ был похож на правду. Неприятную, но всё же правду.

— Если ваши половины убьют людей, разговор будет другой.

— Знаю.

— Нет. Пока не знаете.

Он пошёл к проходу между телегами, чувствуя на себе её взгляд.

Сумерки легли быстро. Тучи разошлись у края неба, и над колодцем появилась первая звезда. Люди внутри круга заговорили тише.

Глеб проверил внешний дозор. У северного склона стояли молодой охранник с копьём и Боро. Она сама выбрала это место, и спорить с ней было бы глупо.

— Если увидишь движение, не геройствуй, — сказал Глеб.

— Я не русская песня.

— Хорошо. Песни обычно длинные и кончаются плохо.

— Ваши особенно.

— Наши честнее. Сразу понятно, что все умрут.

Боро тихо фыркнула и снова посмотрела в темноту.

Когда Глеб вернулся к колодцу, Михаило сидел у своей телеги и держал папку с бумагами на коленях. Даже сейчас не выпускал.

— Спать не ложись, — сказал Глеб. — Будешь рядом с Саввой. Если начнётся шум, он берёт ведомости. Ты несёшь фонарь.

— Я приказчик, а не мальчишка с огнём.

— Сегодня ты мальчишка с огнём. Завтра, если доживём, снова станешь приказчиком.

Савва прикрыл рот ладонью, а Глеб отвёл взгляд. Ночь была близко для смеха, но людям иногда нужно хоть что-то, кроме страха.

Он обошёл круг ещё раз. Порох стоял там, где надо. Фитили подсохли. Лошади были привязаны так, чтобы их можно было быстро вывести. У заднего прохода лежал топор. Глеб сам положил его туда, где рука найдёт без света.

Ли сидела у своей повозки. На коленях у неё лежал маленький свёрток. Глеб не спросил. Если это её дорогой груз, она всё равно соврёт. Если не груз, тем более.

— Камень, — сказала она вдруг.

— Что?

— У него сбито название. Но знаки оставили. Так делают, когда хотят, чтобы чужие не нашли дорогу, а свои пришли точно.

Глеб посмотрел на тёмный силуэт камня у края круга.

— Значит, мы встали там, куда должны прийти свои.

— Возможно.

— Вы умеете радовать перед сном.

— Лучше перед сном, чем после.

Это было шуткой. Неудачной, но живой. Глеб хмыкнул и пошёл к проходу.

Небо над колодцем стало темнее. Первая звезда, которую он видел минуту назад, исчезла. Глеб остановился. Сначала решил, что набежала туча. Но тучи стояли дальше, у горизонта, и их край светлел от позднего заката.

Погасла вторая звезда.

У колодца перестала скрипеть верёвка, хотя ведро ещё качалось. Один из возчиков поднял голову. Лошадь у пороховой телеги тихо заржала и попятилась.

Глеб медленно положил руку на рукоять меча.

Над колодцем одна за другой гасли звёзды, и внешний дозор ещё не успел подать знак.

Глава 4. Круг без звёзд

Первая звезда погасла так тихо, что Глеб успел подумать о туче. Потом исчезла вторая. Над колодцем темнело пятно, и край этого пятна был ровным для ночного неба.

Лошадь у пороховой телеги попятилась. Возчик поднял голову, открыл рот, но звука не было. Глеб понял это по лицу: человек звал, а вокруг стояла глухая, тяжёлая тишина.

— К оружию! — крикнул Глеб.

Он крикнул, но звук не вышел дальше груди. Люди рядом повернулись не сразу. Те, кто стоял дальше колодца, вообще не обернулись. Глеб выхватил меч и ударил рукоятью по борту ближайшей телеги. Дерево дрогнуло под рукой, но стука не было.

Звук исчезал внутри круга у колодца.

Первая стрела вошла в шею лошади у передней телеги. Животное рухнуло, дёрнуло постромки и потянуло за собой оглоблю. Возчик открыл рот, лицо у него перекошилось, но Глеб не услышал ни звука. Вторая стрела ударила рядом и сбила его с колеса. Люди наконец поняли, что началось.

Глеб махнул рукой к заднему проходу. Охранник там растерянно смотрел на него.

— Режь постромки! — Глеб показал ножом на лошадей и снова ударил по борту.

Теперь поняли.

Из темноты у северного склона выскочила Боро. Она бежала низко, не поднимая головы. За ней мелькнули две фигуры. Стрела прошла у неё над плечом. Боро упала на одно колено, выстрелила назад и тут же вскочила. Один преследователь согнулся, второй ушёл в сторону.

Глеб хотел подать знак внешнему дозору, но звук всё равно не шёл. Молодой охранник с копьём у склона стоял далеко. Он увидел Боро, сделал шаг к каравану и получил стрелу в бок. Упал не сразу. Попытался выдернуть древко и только потом осел на землю.

Глеб сжал зубы. Внешний дозор отрезали.

Нападавшие не бросились к сундукам. Они шли к людям. Двое прыгнули к телеге с долговыми работниками и стали резать шнуры с бирками. Один искал деревянные дощечки на груди у людей и срывал их вместе с ремешком.

Глеб толкнул к проходу женщину, которая застыла у колеса.

— Внутрь круга! К Савве!

Она не слышала слов, но поняла по движению. Подхватила Егорку и потащила за собой.

Крайняя телега вспыхнула сразу с двух сторон. Огонь прошёл по борту ровной полосой, будто его заранее пустили по смоле. Дым пополз внутрь стоянки. Люди закашлялись, но кашель тоже пропадал в чёрном круге без звука.

Глеб добежал до заднего прохода. Там двое охранников пытались поднять упавшую оглоблю. Лошадь билась на земле и мешала открыть выход.

— Режь! — Глеб ткнул ножом в постромку.

Охранник понял, но руки дрожали. Глеб сам перерезал ремень, потом второй. Лошадь дёрнулась в сторону, телега просела, проход стал шире. Через него можно было вывести людей, если не думать о грузе.

Михаило стоял у своей телеги с фонарём и папкой в руках. Фонарь горел, но пламя в нём стало низким и синим.

— Сундуки! — Михаило кричал, но Глеб разобрал это только по губам. — Сначала сундуки!

Глеб выбил папку из его руки. Папка упала в грязь.

— Люди!

Михаило схватился за папку. Савва вынырнул из дыма, подхватил бумаги раньше приказчика и сунул под кафтан. Потом потянул Михаила к середине стоянки. Приказчик сопротивлялся, пока рядом не ударила стрела. После этого пошёл быстрее.

У повозки Ли было темнее, чем у остальных. Ткань на окнах не горела, но вокруг колёс полз чёрный дым. Ли стояла у дверцы, одной рукой держала борт, другой прижимала к себе свёрток. Она что-то говорила караульному. Тот не слышал и пытался открыть задний замок.

Глеб хотел пробиться к ним, но из огня у крайней телеги поднялась фигура.

Сначала он решил, что это горящий человек. Потом увидел, что тела нет. Пепел, трава и обрывки ткани собрались в высокий силуэт. Внутри мигали угли. На месте лица висела связка бирок.

Фигура шагнула к проходу.

Охранник ударил её копьём. Наконечник вошёл в грудь, прошёл насквозь и вышел с другой стороны. Пепел разошёлся, тут же сошёлся обратно. Фигура взмахнула рукой. Охранника отбросило к телеге. Он ударился спиной о колесо и сполз вниз.

Глеб перехватил меч двумя руками и ударил по шее. Лезвие прошло через пепел. На миг голова осыпалась, связка бирок упала на грудь, но силуэт снова собрался. Изнутри потянуло жаром.

Обычное оружие не держало его.

Глеб отступил на шаг. В голове стало ясно: если пытаться убить это, люди сгорят. Если открыть выход, часть уйдёт.

Он развернулся к охранникам и показал на проход, потом на людей внутри круга. Один охранник потащил раненого возчика. Второй стал резать верёвки у соседней телеги. Боро добралась до круга, выстрелила в человека у долговых работников и сбила его с подножки.

— Не за сундуки! — Глеб схватил возчика за ворот и ткнул его лицом к людям у огня. — Их вытаскивай!

Возчик не слышал слов, но понял руку. Побежал.

Нападавшие работали спокойно. Они не трогали товар. Их интересовали связки бирок, папка с ведомостями и закрытая повозка. Один с ножом прорвался к Егорке. Мальчишка успел пригнуться. Нож срезал с шеи пустой ремешок без бирки. Нападавший замер на миг.

Этого мига хватило Боро. Её стрела вошла ему под ключицу.

Глеб увидел, как Савва тянет старика из-под рогожи. Егорка помогал, задыхаясь от дыма. Женщина держала старика за плечи и всё время оглядывалась на повозку Ли. Там снова стучали.

Фигура из пепла пошла к проходу. Каждый удар по ней только поднимал больше золы.

Глеб схватил с телеги мокрую рогожу, бросил на пепельную грудь и толкнул всем телом. Жар прошёл через ткань. На ладонях вспухла боль. Фигура качнулась, но не упала. Рогожа почернела.

Он бросил её и отступил. Надо было открыть другой проход.

Глеб махнул Боро к южной телеге. Та поняла сразу. Выстрелила в нападавшего у колеса и побежала к другой стороне круга. Если снять заднюю телегу с колышков и развернуть её, выход получится шире. Потеряют груз, зато люди пройдут.

Михаило снова оказался рядом. Лицо у него было чёрное от дыма.

— Там товар! — губы у него дрожали.

Глеб схватил его за грудки и подтолкнул к телеге с ранеными.

— Понесёшь человека.

Михаило мотнул головой.

Глеб наклонился к самому его лицу и сказал медленно, чтобы тот понял по губам:

— Или я тебя брошу вместо товара.

Приказчик понял. Выбрал раненого полегче, но всё же поднял.

Огонь добрался до пороховой телеги. Пока не до бочки, а до рогожи. Фитили лежали отдельно, как Глеб велел, но мешок с овсом загорелся от упавшей стрелы.

Он сбил пламя сапогом, сорвал рогожу и кинул её в грязь. Рядом упала стрела. Потом ещё одна. Первая прошла вскользь по плечу. Боль была резкая, но рука двигалась.

Савва подбежал и схватил его за рукав. Глеб показал на выход. Савва кивнул и ушёл к раненым.

У повозки Ли вспыхнул свет.

Это был не огонь: бледная линия прошла по дверце и легла на землю кругом. Ли стояла внутри этого круга. В руке у неё было что-то светлое. Нефрит, понял Глеб. Тот самый груз.

Круг должен был защищать. Так выглядело первое мгновение. Нападавший, который бросился к повозке, ударился о свет и отлетел назад. Второй попытался перерезать ремень у колеса, но нож не дошёл до дерева.

Ли подняла руку выше. Свет дрогнул.

Потом круг замкнулся не вокруг повозки, а внутри неё.

Глеб понял это по лицу Ли. Она попыталась шагнуть наружу и остановилась, будто упёрлась в стену. Ударил ладонью по воздуху. Свет на миг почернел у её пальцев и снова стал бледным.

Караульный у дверцы схватился за замок, но его отбросило. Он упал на спину и больше не поднялся.

Нападавшие тоже увидели перемену. Человек в тёмной шапке поднял руку. Двое сразу повернули к повозке Ли. К ней, а не к грузу у других телег.

Глеб рванул туда, но пепельная фигура перекрыла дорогу. Она подняла руку, и на связке бирок у её груди мелькнули знакомые деревянные дощечки. Часть была из каравана.

Имена.

Глеб ударил фигуру не в тело, а по связке. Меч рассёк один ремешок. Две бирки упали в грязь. Фигура дёрнулась. На миг её плечо осыпалось.

Вот где держится.

Глеб ударил ещё раз, но пепельная рука сбила меч в сторону. Жар опалил лицо. Он отступил, споткнулся о мешок и едва удержался на ногах.

Боро с другой стороны пустила стрелу в связку. Стрела прошла через пепел и задела ремешок. Фигура повернулась к ней. Это дало Глебу время.

Южная телега наконец пошла. Возчики выдернули колышки, Боро с охранником толкнули колесо. Телега съехала, закрипела, чуть не легла на бок, но проход открылся шире. Люди хлынули к нему. Глеб встал сбоку и отбивал тех, кто пытался прорваться внутрь.

Один нападавший бросился на Савву. Савва держал под мышкой папку с ведомостями и тащил за собой старика. Глеб не успевал. Тогда Егорка подставил нападавшему ведро. Тот споткнулся и рухнул лицом в грязь. Савва ударил его папкой по затылку.

Смех не пришёл. Дым резал горло. Плечо ныло. В горячей телеге треснула ось.

Ли снова ударила ладонью по невидимой стене. Круг не выпускал её. Свет шёл изнутри повозки, из-под пола. Ли пыталась повернуть знак, но каждый раз её пальцы срывались, будто чужая сила ставила их обратно.

Она увидела Глеба. Он понял по губам:

— Не подходите.

Конечно. В таких случаях люди всегда говорят это.

Пепельная фигура снова двинулась к выходу. Если она встанет в проход, люди останутся внутри огня. Глеб оглянулся на повозку Ли, на выход, на пороховую телегу. Все дороги стали плохими. Оставалось выбрать ту, где погибнет меньше.

Он ткнул мечом в сторону Ли и показал Боро два пальца: держать двоих у повозки, не лезть внутрь. Боро кивнула.

Глеб бросился к проходу.

Там молодой охранник пытался поднять женщину с перебитой ногой. Пепельная фигура шла к ним. Глеб схватил с земли упавшую бирку, сам не зная чью, и метнул в сторону колодца. Фигура резко повернулась за ней. Значит, слышит не звук. Чует имя.

Этого хватило. Женщину вытащили. За ней прошёл старик, потом двое работников, потом Михаил с раненым на плечах. Приказчик споткнулся у самого выхода, но не бросил ношу. Глеб запомнил это с раздражением.

Нападавшие поняли, что люди уходят. Один поджёл ещё одну телегу и побежал к закрытой повозке. Боро сбила его стрелой. Второй достал связку чужих бирок и бросил их в огонь. Пламя стало темнее. В дыму проступили лица и сразу распались.

Глеб не стал смотреть.

Он добежал до повозки Ли. Свет круга бил в глаза. Ли стояла внутри, бледная, с зажатой в кулаке нефритовой пластиной. У её ног по доскам ползла чёрная линия, замыкаясь вокруг неё.

Глеб ударил мечом по замку. Лезвие отскочило. Удар пошёл в руку, пальцы онемели.

Ли замотала головой и показала на землю перед дверцей. Там черта проходила по порогу. Не дерево держало. Держал знак.

За спиной Глеба люди выходили из круга телег. Он видел, как они падали, поднимались, тащили раненых и раскрывали рты в беззвучной боли. Над колодцем не было ни одной звезды.

Глеб упёрся плечом в дверцу. Боль в раненом плече вспыхнула, но дверь не поддавалась. Внутри Ли подняла обе руки и попыталась разомкнуть знак. Свет ударил ей по пальцам. Она согнулась, но не упала.

Пепельная фигура повернулась от выхода к ним.

Теперь она шла к повозке Ли.

Глеб сунул меч в ножны, схватил топор у заднего прохода и вернулся к дверце. Если знак держал порог, надо ломать стойку, а не замок.

Ли снова сказала что-то без звука. По губам он разобрал одно слово:

— Нельзя.

Глеб поднял топор.

Родовой круг Ли вспыхнул внутри повозки ярче, стянулся к её ногам и закрылся, как капкан.

Глава 5. Дом Ли

Круг сомкнулся у Ли под ногами. Доски повозки побледнели, будто их покрыли инеем. Чёрная линия прошла по порогу, поднялась по стойкам и легла на дверцу изнутри.

Ли ударила ладонью в воздух. Пальцы не дошли до двери. Между ней и выходом стояла невидимая стенка. Удар вернулся в кисть болью, и правая рука сразу онемела до запястья.

Глеб поднял топор снаружи.

— Нельзя! — крикнула она.

Звук не вышел. Губы двинулись, грудь сжалась, а вокруг осталось только глухое давление. Ли увидела, как Глеб понял одно слово по губам, но топор не опустил.

Он был упрям. Очень не вовремя.

Она резко повернулась к ящику. Обломок лежал в раскрытом свёртке. Нефрит больше не был молочно-зелёным. Внутри камня двигалась чёрная жилка, та самая незавершённая линия, которая проступила днём, когда Глеб прошёл рядом.

Теперь линия росла.

Ли села на колени, высыпала на доски нефритовые пластины и прижала первую к полу. Пластина должна была показать край защитного условия. Вместо светлого контура по ней сразу пошли чёрные точки. Они легли не вокруг повозки, а внутри.

Клетка.

Ли поставила вторую пластину у порога. Та треснула наискось. Осколок царапнул ей палец. Кровь выступила сразу и не упала на доску, а потянулась к чёрной линии тонкой нитью. Ли сжала кулак и отдернула руку.

Нет. Не брать её кровь без слова.

Снаружи топор ударил по стойке. Дерево хрустнуло, но круг сжал дверцу крепче. Чёрная линия на пороге стала шире.

Глеб ударил второй раз.

Ли схватила кисть-клинок и провела по воздуху короткий знак размыкания. Раньше такой знак открывал внутренний выход родового круга. Он был простым. Детей клана Ли учили ему до того, как разрешали держать боевую пластину.

Сейчас знак перевернулся сам. Кончик кисти ушёл в сторону, будто чужая рука подтолкнула её пальцы. Боль прошла от ногтя до локтя. Ли стиснула зубы, но не отпустила инструмент.

Круг не запер её. Он исправлял её движения.

Противник знал Дом Ли.

Не весь. Полного текста у них быть не могло. Но у них была половина условия: защиты носителя и не выпустить его, пока долг не принят. Защита без выхода становилась клеткой. Достаточно было убрать одну строку. Достаточно было знать, где она стоит.

Ли ударила левой рукой по ящику и достала ещё две пластины. Одна легла у обломка, другая у её колена. Нужно было найти исключение. Любая печать, даже родовая, имела место для выхода: кровь старшего, голос свидетеля, добровольный отказ носителя. Если исключение закрыто, его можно развернуть через цену.

Снаружи вспыхнул огонь. Через щель в ткани Ли увидела, как люди бегут к открытому проходу. Звука не было, но повозка дрожала от ударов и шагов. Пепельная фигура шла между телегами. На её груди качались бирки.

Глеб снова ударил по стойке. Дерево треснуло глубже.

— Не входи, — выговорила Ли одними губами. — Не пересекай черту.

Он, конечно, не услышал.

Она прижала окровавленный палец к пластине у порога. Боль в кисти стала резкой. На доске проявились два ряда знаков. Первый был её родной. Второй чужой, грубо врезанный в старую формулировку.

«Носитель остаётся внутри, пока долг не возьмёт свидетель».

Ли похолодела.

Вот зачем круг стянулся внутрь. Не чтобы убить её. Чтобы удержать до передачи. Свидетель должен войти сам, без приказа, ради носителя. Тогда круг признает его и перенесёт долг.

Глеб был таким человеком. Не понимал правила, не любил ритуалы и всё равно ломился туда, где неизвестный человек заперт.

Ли попыталась выжечь последнюю строку. Кисть-клинок царапнула кожу у запястья. Капля крови попала на пластину. Знак вспыхнул, но не исчез. Его подхватила чёрная линия на полу и вернула обратно.

Судорога свела пальцы. Кисть-клинок выпал. Ли наклонилась за ним, но правая рука не слушалась. Она взяла инструмент левой. Писать левой было хуже, медленнее, но сейчас важна была не красота.

Она вывела знак отказа. Не успела закончить последнюю черту.

Стойка у дверцы треснула. Топор Глеба вошёл в дерево и застрял. Он дёрнул, ударил ногой, выломал кусок обшивки. В повозку ворвался дым. За ним — жар и свет пожара.

Ли поднялась, но круг сразу ударил по ногам. Колени подогнулись. Она удержалась за ящик.

Глеб просунул руку в пролом.

Ли схватила нефритовую пластину и бросила в его сторону. Пластина ударилась о невидимую стенку изнутри и упала к порогу.

— Назад! — сказала она губами.

Он понял. И не послушал.

Глеб поднял топор ещё раз. Вместо замка ударил ниже, по боковой стойке. Удар был правильный. Он не пытался спорить с невидимой дверью, он ломал то, что держало саму повозку.

Ли уважила бы это, если бы он не собирался погибнуть из-за верного решения.

Она схватила обломок обеими руками. Нефрит обжёт ладони холодом. Чёрная линия внутри камня повернулась к пролому, туда, где стоял Глеб.

— Не его, — прошептала Ли, уже не надеясь на звук. — Меня. Долг мой.

Камень не ответил словами. Ответила печать.

Чёрная линия на полу взметнулась к её запястью. Кожа побелела, потом на ней проступил узкий тёмный след. Ли почувствовала, как круг проверяет её кровь. Род Ли был распознан сразу. Единственная носительница здесь. Единственная подходящая цена. Выход закрыт.

Ли упёрлась ладонью в пол и закончила знак отказа кровью. Линия дрогнула. На миг у порога появилась щель. Не дверь, а слабина в условии.

— Сейчас! — попыталась сказать она.

Глеб увидел щель по-своему. Он ударил топором в то место, где бледный свет стал тоньше. Стойка развалилась. Дверь осела, и в повозку ворвался дым.

Глеб шагнул через порог.

Чёрная линия сразу бросилась к его ноге. Ли увидела, как она обвила сапог и поднялась к колену. Глеб поморщился, но не отступил. Он не понимал, что вошёл в условие.

— Стой! — Ли схватила его за рукав левой рукой. — Не двигайся.

Теперь звук вернулся на мгновение. Он был хриплым, будто прошёл через воду.

Глеб услышал только часть.

— Поздно стоять.

Он наклонился, подхватил её за плечо и потянул к пролому. Круг сжал повозку. Доски вокруг них побелели. Невидимая стенка ударила Глеба в грудь. Он отшатнулся, но не выпустил Ли.

Чёрная линия на полу пошла к обломку.

Ли поняла, что круг выбирает между ними. Её кровь известна. Его кровь не читалась. Для печати это было не пустое место, а ошибка, через которую можно было протолкнуть новый долг.

— Не держи меня, — сказала она.

— Ещё чего.

— Я не шучу.

— А я похож на человека, который сейчас оценит шутку?

Она бы ответила, если бы правая рука не дёрнулась от боли. Нефрит выскользнул из пальцев. Глеб поймал его свободной рукой.

Кровь с его пореза коснулась обломанного края.

Печать ударила сразу.

Не светом. Не громом. Всё внутри круга остановилось на один короткий миг. Огонь за проломом застыл без звука. Дым завис в воздухе. Ли увидела, как чёрная линия с пола втянулась в нефрит, прошла через кровь Глеба и не нашла там привычного родового знака.

Потом линия пошла дальше.

На ладони Глеба кожа потемнела у пореза. Чёрный след лег сначала узкой трещиной, потом разошёлся к пальцам. Глеб стиснул зубы, но не закричал. Он смотрел на свою руку словно она стала чужой прямо на глазах.

— Что это? — спросил он.

Ли схватила его за запястье. Поздно. Знак входил глубже.

— Отпусти обломок.

Глеб попытался разжать пальцы. Не смог. Нефрит прилип к его ладони, как к мокрой коже на морозе. Чёрная линия поднималась от обломка к порезу.

Ли ударила левой ладонью по его пальцам, вложив в удар остаток знака отказа. Нефрит оторвался. Упал на доски и покатился к ящику. Глеб пошатнулся. На его ладони остался ожог, а в ожоге — чёрный незавершённый знак.

Круг вокруг Ли ослаб. Не исчез. Ослаб.

Печать приняла другого.

Ли не передавала её. Не звала. Не выбирала. Но условие нашло того, кто сам вошёл за носителем и коснулся обломка кровью.

Глеб снова потянул её к выходу. На этот раз невидимая стенка треснула. Ли почувствовала это телом: давление ушло из груди, будто тугий ремень разрезали.

Она успела схватить свёрток с обломком, но правая рука не удержала ткань. Пальцы не слушались. Глеб выругался, забрал свёрток сам и сунул ей под левую руку.

— Держи.

— Не так.

— Потом научишь.

Он протащил её через пролом. Порог ударил по ногам. Ли едва не упала, но Глеб подхватил её за пояс. Они вывалились наружу в дым и жар.

Звук вернулся частями. Сначала треск огня. Потом хрип лошадей. Потом человеческий плач у прохода. Чёрный круг над колодцем ещё держал середину стоянки, но край его сдвинулся к горящим телегам.

Ли вдохнула и сразу закашлялась. Дым обжёт горло. Глеб поставил её за колесо и сунул топор ей в руку, будто топор мог помочь мастерице печатей.

— Сиди здесь.

— Я не сижу.

Она попыталась встать. Ноги подогнулись. Правая кисть висела чужой. Ли сжала её левой, проверяя пальцы. Большой палец дёрнулся. Остальные ответили болью через раз. Плохо, но живы.

Глеб посмотрел на её руку, потом на свою ладонь.

— Вы знали?

Вопрос был короткий. В нём не было места для красивого объяснения.

— Я знала, что круг может взять свидетеля, — сказала Ли. — Не знала, что он возьмёт вас так быстро.

— Удобная разница.

— Нет. Плохая.

Он хотел ответить, но за его спиной двинулся пепельный воин.

Ли увидела, как тот остановился. До этого он шёл к повозке, к обломку, к ней. Теперь его голова повернулась к Глебу. Связка бирок на груди качнулась, хотя ветра не было. Чёрный знак на ладони Глеба потемнел.

Печать указала нового владельца долга.

— Глеб, — сказала Ли.

Он обернулся.

Пепельный воин сделал шаг к нему. Не к повозке. Не к Ли. К Глебу.

Ли встала, держась за колесо. Свёрток с обломком жёг бок, правая рука не слушалась, но она заставила пальцы согнуться.

— Не бейте его в тело, — сказала она. — Ищите то, что держит условие.

Глеб поднял меч левой рукой, потому что правая ладонь с чёрным знаком не сразу сжалась на рукояти.

— Поздно учить, — сказал он.

— Тогда слушайте быстро.

Эхо-воин повернулся к Глебу всем корпусом. Бирки на его груди почернели по краям, а чёрная линия на ладони Глеба ответила тем же цветом.

Глава 6. Девятый свидетель

Эхо-воин повернулся к Глебу. Не к Ли и не к проходу между телегами. К нему.

Чёрная линия на ладони сразу потемнела. Кожа вокруг пореза стянулась, будто её прижали раскалённым железом. Глеб сжал рукоять меча левой рукой. Правая не слушалась полностью: пальцы сгибались медленно, с болью, и знак мешал держать оружие.

Ли стояла у колеса, держась за борт. Правая рука у неё висела неподвижно, свёрток с нефритом был прижат к боку. Лицо бледное, но взгляд ясный. Глебу это не понравилось. Так смотрят не на спасителя, а на вещь, которая вдруг заработала не по инструкции.

— Потом объяснишь, — сказал он.

— Если доживём.

— Начинай копить слова.

Эхо-воин сделал шаг. Пепел с его плеча осыпался и сразу поднялся обратно. На груди качалась связка бирок. Деревянные дощечки стучали друг о друга без звука. Чёрный круг над колодцем ещё гасил всё вокруг, но Глеб чувствовал удары этих бирок в ладони.

Ли наклонилась к нему.

— Не бейте тело. Бейте то, что держит его.

— Бирки?

— Связку. Там якорь.

— Почему раньше не сказала?

— Раньше вы рубили дверь.

— Дверь была ближе.

Пепельная фигура рванулась вперёд. Быстрее, чем должна двигаться такая тяжёлая тень. Глеб ушёл в сторону, ударил по груди, но меч опять прошёл через пепел. Лезвие задело одну бирку. Та треснула.

Хорошо. Значит, Ли не только пугает умными словами.

Глеб ударил снова, но воин закрыл связку рукой из золы. Жар прошёл по лицу. Глеб отступил к проходу, где последние люди выбирались из круга телег. Савва тащил раненого за ворот. Михаило шёл рядом с фонарём и не спорил. Фонарь трясся у него в руке так, что пламя било в стекло.

— Быстрее! — крикнул Глеб.

На этот раз звук вернулся не полностью. Голос вышел хрипом и сразу стал слабее. Дальние всё ещё читали по рукам.

Боро стояла у края прохода и стреляла редко. Не тратила стрелы на пепельного, выбирала живых нападавших. Один человек в тёмной шапке попытался обойти круг и ударить по работникам сзади. Боро пустила стрелу ему в бедро.

— Не дай ему! — Глеб махнул рукой.

Боро поняла. Вторая стрела прибила его рукав к земле. Он задёргался и остался там.

Эхо-воин снова пошёл на Глеба. Теперь он не отвлекался на проход. Люди могли выходить, но только пока Глеб стоял между ними и пеплом.

Чёрный знак на ладони дёрнулся. Не как боль. Как приказ без слов. Линия поползла от пореза к запястью и остановилась у края перевязки.

Глеб выругался. Слышно или нет, было всё равно.

Ли шагнула ближе, но нога подвела её. Она ухватила за колесо, сжала зубы и всё же удержалась.

— Коснитесь связки рукой с меткой.

— У него там огонь.

— Метка не режет пепел. Она ломает правило.

— А можно по-русски?

— Он собирается, пока бирки держат долг. Коснитесь кольца.

Глеб посмотрел на грудь воина. Бирки висели на металлическом кольце, потемневшем от копоти. К нему сходились ремешки.

— Отличный совет, — сказал Глеб. — Надёжный. Удобный для похорон.

— Другого нет.

— Я заметил.

Он перехватил меч зубами за рукоять, чтобы освободить левую руку, тут же понял, что выглядит глупо, и вернул меч обратно.

— Если выживу, никому не рассказывай.

Ли моргнула.

— О чём?

— Вот и молодец.

Он бросился вперёд.

Первый удар пришёлся по руке воина. Меч не остановил её, но сбил в сторону. Глеб вошёл ближе, чем хотел. Жар ударил в грудь. Пепел забился в рот. Он левой рукой схватил ремешок у связки и потянул на себя.

Ремешок не порвался.

Воин ударил его в плечо. Глеба отбросило к телеге. В глазах вспыхнуло. Рана на плече сразу открылась, под рубахой стало мокро. Он успел выставить меч, и пепельная рука прошла по лезвию. Сталь покраснела у края.

Боро выстрелила в связку. Стрела задела кольцо. Бирки дёрнулись. Воин повернул голову к ней.

Глеб воспользовался этим. Он шагнул под пепельную руку и ударил не мечом, а правой ладонью по металлическому кольцу.

Боль прошла через весь локоть.

Мир не вспыхнул. Не разорвался. Всё на миг стало очень близким: чёрный металл под ладонью, горячий пепел на коже, собственная кровь в порезе и девять чужих имён, привязанных к одному кольцу.

Глеб не прочёл их глазами. Он почувствовал, как бирки тянут друг друга. Одна была из каравана. Другая старая, с чужой резьбой. Третья пахла дымом и мокрой землёй. Остальные не успели стать лицами. Они давили на ладонь тяжестью долга, который он не брал.

— Да пошли вы, — сказал Глеб.

Знак на ладони двинулся сам. Чёрная линия вошла в металлическое кольцо. Не в пепел. Не в тело. В то место, где ремешки сходились вместе. Кольцо зашипело, хотя звука не было. Бирки одна за другой треснули у отверстий.

Эхо-воин выгнулся. Пепел перестал собираться. Грудь провалилась внутрь. На месте лица проступили на миг чужие рты. Они открывались, но не кричали. Потом звук вернулся резким хлопком.

Глеб услышал всё сразу: огонь, кашель, лошадиный храп, Саввин мат, Михайлов визг и чей-то плач за телегами.

Кольцо лопнуло.

Пепельная фигура рассыпалась на землю. На миг из золы поднялись девять голосов. Они говорили каждый своё, мешали друг другу, но одно слово повторили вместе:

— Свидетель.

Глеб отдёрнул руку. На ладони остался чёрный знак. Теперь он был не ожогом. Линия замкнулась у основания большого пальца и ушла под кожу.

Он хотел спросить Ли, что это значит, но не смог сразу вспомнить, где она стоит.

Перед глазами на миг поменялся порядок событий. Он был у колодца. Потом у повозки. Потом снова у прохода. Егорка держал ведро. Ли сказала «нельзя». Михаило нёс раненого.

Глеб моргнул. Дым вернулся на место. Ли стояла у колеса. Боро бежала к нему.

— Воронец! — крикнула она. — На ногах?

Он посмотрел на свои сапоги.

— Похоже.

— Голова?

— На месте. Работает хуже обычного, но это старая беда.

Боро коротко кивнула. Значит, жив.

Ли подошла, держась за борт. Её правая рука не двигалась. Она хотела взять его ладонь, но Глеб убрал руку.

— Не трогай.

— Мне нужно увидеть знак.

— Мне нужно понять, почему он у меня.

— Потому что вы вошли в круг.

— Я вытащил тебя.

— Для печати это одно действие.

— Для меня разное.

Она не стала спорить. Снаружи прохода вскрикнули. Теперь звук вернулся полностью. Живые нападавшие отходили к северному склону. Они не пытались добить всех. Трое тащили с собой людей, связанных за руки. Один нёс папку. Не Саввину: другая, тёмная, с красным шнуром. На спине у него качались бирки.

Глеб шагнул к ним, но нога подломилась. Боро подхватила его за локоть.

— Не догонишь.

— Догоню.

— Упадёшь красиво. Им будет приятно.

Глеб вырвал руку, сделал ещё шаг и понял, что Боро права. После удара метки тело слушалось с опозданием. Правая ладонь горела. В голове снова провалился кусок: он не сразу вспомнил, кто открыл южный проход. Боро? Возчики? Он сам?

Савва добежал до них. Лицо в копоти, волосы подпалены с одной стороны.

— Ты жив? — спросил он у Глеба.

— Все сегодня очень внимательны к очевидному.

— Очевидное у нас плохо держится.

Савва посмотрел на ладонь и сразу перестал шутить.

— Это лечить?

Ли ответила раньше Глеба:

— Нет.

— Прекрасно, — сказал Савва. — Я люблю раны, которые нельзя лечить. Они так уважительно относятся к моей профессии.

Глеб сжал руку в кулак. Знак ответил болью. Вдалеке нападавшие уходили в темноту. Бежать за ними было нельзя. Оставшиеся люди едва стояли. Пожар ел телеги, пороховую удалось оттащить, но каравана больше не было.

— Сколько увели? — спросил Глеб.

Боро посмотрела на проход.

— Не знаю. Меньше, чем хотели.

— Это не ответ.

— Это пока всё, что есть.

Егорка стоял у старика и держал в руках пустой ремешок. Женщина обнимала его за плечи. Мальчишка смотрел туда, куда ушли нападавшие.

— Кого взяли? — спросил он.

Женщина не сразу ответила.

— Марфу. С третьей телеги. И Прохора. Ещё двоих не вижу.

Савва отвернулся и пошёл считать. В бою человек хотя бы занят.

Михаило сидел у перевёрнутого ящика и держал фонарь обеими руками. Фонарь уцелел. Папка с его бумагами нет. Или не у него.

Глеб подошёл к нему.

— Списки где?

Михаило поднял глаза.

— Савва взял.

— Не эти. Твои скрытые.

Приказчик молчал.

Глеб присел перед ним. Правая ладонь пульсировала. Чёрная линия на коже чуть шевельнулась, и Михаило отшатнулся.

— Мне сейчас больно, я злой и очень плохо вспоминаю, кого уже бил. Не заставляй проверять.

— У меня не было других списков, — сказал Михаило.

Глеб ударил его левой рукой.

— Попробуй ещё раз.

— Были! — Михаило закашлялся. — Были складские листы. Их забрали.

— Но знал, кого везёшь.

— Я знал, что люди долговые.

— Имена зачем прятал?

— Мне платили за перевозку, не за вопросы.

Глеб хотел ударить снова, но Ли сказала:

— Он не главный.

— Я уже понял.

— Тогда не тратьте на него руку.

— Руку уже потратили без меня.

Она опустила взгляд. Не виновато.

— Где Братство должно было забрать людей? — спросила она у Михаила.

Приказчик побледнел сильнее.

— Какое Братство?

Ли шагнула ближе. Пальцы правой руки у неё дрожали, но голос держался.

— Люди с перевёрнутой половиной знака. Где?

— Я не знаю.

Глеб поднял руку с меткой. Не для удара. Метка на ладони снова потемнела, и Михаило прижался к ящику.

— У старой переправы, — выпалил он. — После второго колодца.

— Кто велел?

— Посредник из Саргалова двора. Имени не называл. Клянусь.

Ли и Боро переглянулись. Глеб заметил это.

— Саргалов двор? — спросил он.

— Потом, — сказала Ли.

— У вас это слово часто выходит.

— Сейчас надо уходить.

Огонь добрался до задней телеги. Бочка с порохом стояла отдельно, но искры летели к ней через грязь. Охранник пытался накрыть бочку мокрой рогожей и промахивался от страха.

Глеб пошёл к нему, забрал рогожу и накрыл сам.

— Людей к дороге, — сказал он Боро. — Раненых на тех лошадях, что остались. Воду взять, сколько унесём. Груз бросить.

Михаило вздрогнул.

— Там товар на три состояния.

— Теперь у тебя одно состояние. Живое. И оно хромот.

Савва вернулся с лицом, по которому всё было понятно.

— Четверых нет. Двое мертвы у внешнего дозора.

— А если спросить? — сказал Глеб.

— Тогда лежат и ругаются. Это хороший признак.

Ли стояла у обломков своей повозки. Свёрток с нефритом она держала под левой рукой.

— Тебя вести? — спросил он.

— Я иду сама.

— Конечно. Все идут сами, пока не падают лицом в грязь.

— Тогда успеете поймать.

— Это просьба?

— Это предупреждение.

Он хотел усмехнуться, но в голове снова сдвинулось время. На миг он оказался у речки днём, смотрел на ведро в руках Егорки. Потом снова ночь, огонь и знак на ладони. Провал был короткий. Но настоящий.

Ли это заметила.

— Сколько пропало?

— Что?

— Событий. Сколько потеряли?

— Ничего не потерял.

— Вы ответили быстро.

— А ты быстро спрашиваешь.

Она не стала давить. Плохо.

Люди начали отходить от колодца. Ночной круг над ним слабел. Звёзды возвращались не сразу: сначала одна появилась над самым краем, потом другая. Но внутри колодца темнота оставалась плотной. Глеб приказал обходить его стороной.

Когда последняя группа вышла за разбитые телеги, земля под ногами дрогнула. Не сильно. Так дрожит доска, если под ней двигается тяжёлый зверь.

Люди остановились.

— Идти, — сказал Глеб. — Не смотреть вниз.

Конечно, посмотрели все.

Из земли у колодца поднялся голос. Потом второй. Потом ещё. Они звучали не громко, но теперь их слышали все. Голоса были разные: старый, молодой, женский, детский, чужой с тяжёлым выговором.

Глеб почувствовал, как знак на ладони откликнулся.

Голоса повторили вместе:

— Девятый свидетель.

Ли резко повернулась к нему.

— Не отвечайте.

Глеб и не собирался. Он смотрел на колодец и пытался понять, почему голосов девять, если он никому ничего не обещал.

Земля дрогнула ещё раз. Чёрная линия на его ладони дошла до запястья и остановилась, будто ждала слова, которое он не произнёс.

Глава 7. Первая чёрная линия

К рассвету они ушли от колодца меньше чем на две версты. Больше люди не смогли. Раненые падали, лошади хрипели, а те, кто ещё держался на ногах, всё время оглядывались на зарево за спиной.

Ли шла последней возле Саввы. Правая кисть не слушалась, поэтому она держала свёрток с нефритом левой рукой и злилась на каждый неровный шаг. Злость помогала идти. Жалость к себе только мешала бы, а времени на неё не было.

У ручья, который Боро нашла в стороне от дороги, Глеб наконец велел остановиться. Не потому, что место было хорошим. Дальше люди начали бы умирать от усталости. Вода текла между камнями, берег был низкий, вокруг стояла жухлая трава. До крепкой стоянки это место не дотягивало, но здесь можно было перевязать раненых и дать лошадям глоток воды.

— Тяжёлых сюда, ближе к камням, — сказал Савва. — Нет, не лицом в грязь.

Михаило попытался что-то приказать двум возчикам, но те посмотрели на Глеба. Глеб только кивнул на Савву.

— Делайте, как лекарь сказал.

Приказчик замолчал. После сторевшего каравана его голос стал легче чужой шапки: вроде есть, а пользы мало.

Ли опустила на колени рядом с первым раненым. У мужчины была стрела в бедре. Савва обрезал древко и велел держать его за плечи. Ли прижала ткань к ране.

—левой, — сказал Савва.

— Я знаю.

— Я тоже знаю, что вы знаете.

Она прижала ткань левой рукой. Раненый застонал и попытался подняться.

— Лежать, — сказала Ли.

— Мне бы воды.

— Сначала кровь остановим.

— А если я раньше высохну?

Савва фыркнул.

— Не успеешь. Я быстрый, когда меня не учат.

Ли перевязала бедро так, как смогла. Узел вышел неровный. Она хотела переделать, но Савва остановил её.

— Держит. Красота потом, если будет кому любоваться.

Он говорил легко, но глаза у него были красные от дыма и недосыпа. Ли видела, как он считает людей быстрее, чем произносит слова. Двоих отложили у камней и накрыли рогожей. Их не лечили.

Глеб стоял выше по склону и смотрел в сторону колодца. На правой ладони у него темнела метка. Он пытался держать руку сжатой, но линия всё равно проступала между пальцами.

Ли это не нравилось больше всего.

Она закончила с раненым, поднялась и сразу пошатнулась. Глеб заметил, но не подошёл. Только сказал:

— Сядьте.

— Я не закончила.

— Вот когда упадёте лицом в ручей, тогда точно закончите.

— Вы всегда так заботитесь?

— Нет. Обычно хуже.

Савва, не поднимая головы, сказал:

— Подтверждаю. Это у него почти нежность.

Ли села на камень. Не потому, что Глеб прав. Ноги действительно перестали слушаться. Она положила свёрток на колени и развязала край ткани. Нефритовый обломок был тёплым. Внутри него застыла чёрная линия, та самая, что ночью указала на Глеба.

Когда первый луч солнца коснулся края ручья, обломок дрогнул.

Ли сразу накрыла его ладонью, но тепло прошло через кожу. На её запястье проступила слабая тёмная полоса и тут же исчезла. Не её знак. Отголосок. Основная метка была у Глеба.

— Савва, — сказала она. — Позови его.

— Если скажу «идите к мастерице», он начнёт ругаться. Если скажу «у вас рука горит», придёт быстрее.

— Скажите второе.

Савва поднялся и пошёл к Глебу. Тот сначала мотнул головой, потом посмотрел на ладонь и всё же спустился. Боро пошла за ним без приглашения. После ночи она не отходила далеко ни от Глеба, ни от оставшихся людей.

— Что? — спросил Глеб.

— Мне нужно посмотреть метку.

— Вы уже смотрите.

— Коснуться.

— Нет.

Ли ожидала такой ответ.

— При Савве. И при Боро, если вам так спокойнее.

Глеб перевёл взгляд на Савву.

— Ты ей веришь?

— Сейчас я верю всем по очереди и недолго, — сказал Савва. — Так меньше обид.

— Хороший способ умереть весёлым.

— Я лекарь. У нас это почти должностная обязанность.

Глеб протянул руку, но не сразу. Она сама на его месте давно бы связала хозяйку нефрита и спросила всё короткими словами.

Ли взяла его ладонь за край, не закрывая метку пальцами. Кожа была горячая. Чёрная линия лежала под кожей, а не сверху. Ожог вокруг пореза подсох, но в глубине метки двигалось что-то тёмное. Движение было слабым и ровным, как дыхание спящего зверя.

Солнце поднялось выше.

Первая из девяти линий почернела на глазах. Она пошла от пореза к основанию большого пальца, стала шире и остановилась у края ладони. Глеб дёрнул рукой, но Ли удержала.

— Ещё миг.

— Отпустите.

— Ещё миг.

— Ли.

Она отпустила. Он сразу отступил на шаг.

— Что это было?

— Рассвет отметил первую линию.

— Я заметил. Мне объяснение нужно, а не пересказ моей боли.

Ли глубоко вдохнула. Не лекция. Только главное. Если сказать много, он перестанет слушать. Если сказать мало, решит, что она снова прячет нож за спиной.

— Метка назначила вас временным свидетелем узла.

— Я никому не соглашался.

— Печать приняла действие вместо согласия. Вы вошли в круг и вытащили меня.

— Значит, ваша печать плохо воспитана.

— Да.

Этот ответ сбил его на мгновение.

— Снять можно? — спросил он.

— У узла.

— Это где?

Ли посмотрела на свёрток. Обломок под тканью тянул тепло не к дороге, ведущей к крепости, а в степь.

— Нужно определить точнее.

Глеб усмехнулся без радости.

— Снова удобный ответ.

— Сейчас другого нет.

— А срок?

Ли молчала чуть дольше, чем следовало. Глеб заметил.

— Срок, Ли.

Она снова взяла обломок, повернула к солнцу и положила рядом с его ладонью, не касаясь кожи. На нефрите проступило девять коротких черт вокруг чёрной линии. Одна потемнела.

— Девять рассветов. Первый прошёл.

Савва выдохнул.

— То есть у нас восемь дней, чтобы найти узел, понять, что это вообще такое, снять метку и желательно не умереть по дороге?

— Восемь рассветов, — поправила Ли.

— Спасибо. Так значительно спокойнее.

Глеб посмотрел на свою ладонь.

— Что будет на девятый?

— Метка перестанет быть временной.

— А по-людски?

— Узел признает вас полным свидетелем. Дальше снять её будет почти невозможно.

— Почти?

— Я не люблю говорить «никогда».

— Зато любите говорить поздно.

Боро, стоявшая рядом, спросила:

— Свидетель чего?

Ли опустила глаза к обломку.

— Пока не знаю.

— Плохой ответ.

— Верный.

— Верный тоже бывает плохим.

Глеб хмыкнул.

— Вот. Учитесь, Ли. Человек сказал коротко и неприятно, сразу понятно.

Она не ответила. Правая кисть снова заболела. На пальцах выступили мелкие тёмные точки, но быстро ушли.

Михаило поднялся и снова нашёл в себе приказчика.

— Крепость ближе всего, — говорил он. — Там гарнизон. Там разберутся с нападением.

— Сначала разберутся с твоими бумагами, — сказал Глеб.

— Бумаги сгорели.

Савва поднял папку.

— Не все.

Ли подошла к спорящим, держа свёрток под левой рукой. Её появление не воспринимали как появление торговой вдовы. После ночного круга прятаться было бессмысленно. Люди смотрели на неё с опаской.

— Крепость — разумный путь, — сказала она.

Глеб повернулся к ней.

— Но?

— Но обломок показывает не туда.

— Куда?

Она развернула ткань. Нефритовая поверхность потемнела у обломанного края. Ли положила камень на ладонь и медленно повернулась. Когда она стояла лицом к дороге на крепость, обломок молчал.

Егорка подошёл ближе и сразу отступил за спину женщины.

— Он сам так делает? — спросил мальчишка.

— Да.

— А если его завернуть?

Савва посмотрел на Ли.

— Вопрос, между прочим, практичный.

— Он всё равно будет показывать.

— Жаль. Был шанс победить древнюю печать тряпкой.

Несколько человек нервно усмехнулись. Смех был короткий, но живой. Ли заметила, как люди после него стали дышать свободнее. Даже страх иногда надо чуть надломить, иначе он держит крепче верёвки.

Михаило ткнул пальцем в сторону дороги.

— Мы не пойдём в степной провал. Там нет помощи.

— У крепости может быть засада, — сказала Боро.

— У крепости люди государевы.

— Люди с бирками тоже были людьми. Это не помогло.

Михаило вспыхнул.

— Ты хочешь тащить раненых в яму из-за камня этой женщины?

Глеб сделал шаг вперёд.

— Не ори.

— Ты после её камня получил метку! Караван сгорел из-за её груза!

Люди притихли. Слова были плохие, но понятные. Ли не стала защищаться сразу. Вина и причина не всегда одно, но уставшим людям до такой разницы дела нет.

Глеб посмотрел на неё.

— Ответь.

Она кивнула.

— Напали не из-за товара. Они пришли за людьми и списками. Мой груз помешал им забрать больше.

— И запер вас в повозке, — сказал Савва.

— Потому что условие испортили до нас.

— Кто?

— Те, кто знал половину знака Дома Ли.

— То есть люди, которые пришли за списками, знали и ваш дом? — спросил Глеб.

— Да.

Он помолчал.

— Почему?

— Не знаю.

На этот раз он не стал сразу обвинять её во лжи. Или сил на ругань не осталось.

Боро поднялась на камень и посмотрела к дороге.

— Если идти к крепости, нас догонят на открытом месте. След крови видно. Лошади слабые.

— А к провалу? — спросил Глеб.

— Там камень, кусты и старая тропа. Плохая для телег. Хорошая для тех, кто не хочет быть найден.

Михаило хрипло рассмеялся.

— Мы теперь верим камню, проводнице и женщине, которая вчера называла себя вдовой?

Глеб посмотрел на выживших. На раненых у воды. На женщину с Егоркой. Потом на свою ладонь, где первая линия почернела полностью.

— Идём к крепости, — сказал он.

Ли резко повернулась.

— Это ошибка.

— Возможно. Но люди хотят стены.

Она подняла обломок.

— Это доказательство.

— Для вас. Для них это камень, из-за которого я получил чёрную руку.

Михаило сразу оживился, но Глеб ткнул в него пальцем.

— Ты молчи. До крепости дойдёшь под охраной. Потом расскажешь, кого вёз и кому продавал.

— Я никого не продавал.

— Тогда тебе будет приятно объяснить это людям с печатями и палками.

Савва тихо сказал:

— С палками объяснения выходят короче.

Она подошла к нему, когда люди начали собираться. Раненых сажали на оставшихся лошадей. Тяжёлых оставляли у ручья под охраной двух человек. Один старик вцепился Савве в рукав и просил не бросать его сына, но сын был без сознания, и двигать его сейчас означало добить.

— Я останусь с ними, — сказал Савва.

Глеб покачал головой.

— Нет. Ты нужен тем, кто идёт.

— Я всем нужен. Наконец-то моя мать была бы довольна.

— Останутся двое с водой и оружием. Мы вернёмся или приплём помощь.

Савва хотел спорить, но посмотрел на тех, кто мог идти, и закрыл рот. Ли увидела, как он стареет за одно утро.

Она подошла к Глебу ближе.

— Я остаюсь с группой.

— Я не приглашал.

— У вас моя метка.

— Я уже привык к чужим долгам. Ещё один поместится.

— Не поместится.

Он посмотрел на неё устало.

— Вы все так говорите.

— Я больше не могу идти отдельно. Обломок связан с вами.

— А если останетесь, узнаю, но буду чаще злиться.

— Это безопаснее смерти.

— Не всегда.

Она слабо улыбнулась. Он заметил и отвернулся первым.

Ли снова взяла его ладонь, но на этот раз не коснулась.

— Позвольте проверить край линии после рассвета. При Савве.

— Быстро.

— Я тут. Смотрю строго. Почти как настоятель, только без уверенности в мире.

Глеб протянул руку. Ли поднесла к метке нефритовую пластину. Не коснулась кожи, только держала рядом. Первая чёрная линия на ладони ответила: край стал ровным, будто его провели острым резцом. Остальные восемь линий оставались серыми, едва видимыми под кожей.

— Каждая будет чернеть на рассвете, — сказала Ли. — Если мы ничего не сделаем.

— А если сделаем?

— Может быть, остановим.

— Вы отлично умеете продавать надежду мелкими порциями.

— Крупные часто врут.

Он убрал руку.

— Эту фразу оставьте Савве. Ему идёт.

Савва поднял палец.

— Я беру. У меня как раз закончились утешения для людей с дырками.

Земля под ногами тихо дрогнула.

Люди остановились. После ночи такого движения хватало, чтобы все замолчали.

У ручья пошли круги. Вода на миг стала тёмной, потом снова прозрачной. Из-под земли поднялся голос. Не громкий. Но каждый услышал его рядом с собой.

— До открытия осталось восемь рассветов.

Глеб медленно повернулся к Ли.

— Это тоже ваш камень?

Она сжала свёрток левой рукой. Правая кисть не слушалась, но пальцы всё же дрогнули.

— Нет.

Обломок в её руке указал на степной провал. Теперь это видели все: чёрная линия на нефрите тянулась туда же, куда отступала тень под утренним солнцем.

Глеб посмотрел на дорогу к крепости, потом на людей у ручья и на свою ладонь. Первая линия на коже почернела до конца.

— Собирайтесь, — сказал он. — Крепость подождёт.

Часть II. Человек без памяти

Глава 8. Правила чужой ладони

От ручья вышли через час после голоса из земли. Солнце поднялось, но теплее не стало. Люди шли медленно, с остановками, и каждый новый шаг будто спорил с тем, что тело ещё живо.

Глеб поставил впереди Боро. Сам пошёл в середине, рядом с ранеными и лошадьми. Ли шла сбоку, прижимая к себе свёрток с нефритом. После ночи она больше не походила на торговую вдову. Люди смотрели на неё чаще, чем на дорогу, и в этих взглядах было мало благодарности.

Уцелевший груз пришлось разобрать сразу. Один возчик попытался привязать к седлу сундук с тканью, но Глеб перерезал ремень и столкнул сундук в траву.

— Воду оставь. Лекарства оставь. Сундук брось.

— Там хозяйское добро.

— Хозяин сгорел вместе с телегой?

Возчик опустил глаза.

— Нет.

— Значит, добро подождёт. Люди нет.

Михаило услышал и поспешил ближе. Лицо у него было серое, глаза красные от дыма.

— Этот сундук записан за купцами из Нерчинска.

— Запиши им поклон от дороги.

— Ты не имеешь права бросать товар.

Глеб поднял правую ладонь. Чёрная линия на коже сразу потемнела.

— У меня теперь много новых прав, — сказал Глеб. — Сам ни одному не рад.

Приказчик замолчал. Возчик снял с седла сундук и вместо него привязал бурдюк с водой. Глеб проверил узел левой рукой. Правая ещё плохо слушалась, а метка тянула кожу при каждом движении.

Савва шёл рядом с раненым плечом и папкой под мышкой. Он успел вытащить часть ведомостей, но теперь бумаги были мокрые от росы и пота. Лекарь всё равно берег их словно там лежала его печень.

— Я бы записал состояние руки, — сказал он.

— Нет.

— Я ещё не сказал, зачем.

— Потому и ответ короткий.

— Вчера после эхо-воина у тебя был провал. Ты сам спросил, где Ли стоит, хотя она стояла у колеса с самого начала.

Глеб посмотрел на него. Савва говорил не как любопытный писец. Как лекарь, которому не хватает рук и времени.

— Запиши только провал после кольца. Без лишнего.

— Без лишнего — это моя мечта. Она не сбылась примерно в шестнадцать лет, когда я научился читать.

— Савва.

— Понял. Пишу коротко.

Он достал угольный карандаш и кусок оборванной обложки от ведомости. Пока писал, Глеб смотрел на дорогу. Узкая тропа уходила к степному провалу, но Боро вела не прямо.

Она держалась старого хода, где когда-то могли ездить пограничные подводы. По её словам, впереди стояла брошенная застава.

Ли подошла, когда Глеб проверял ремень на лошади с раненым возчиком.

— Нам надо установить правила.

— Нам надо дойти до заставы.

— Без правил метка сработает раньше.

— Тогда говорите так, чтобы я понял, зачем.

Она кивнула. Этот кивок был не согласием с ним, а принятием условия работы. Глебу это не понравилось, но он оценил честность.

— Когда знак темнеет, его нельзя трогать голой рукой.

— Что будет?

— Печать может взять чужую кровь как подтверждение.

— Чью?

— Любого, кто коснётся активной линии.

Глеб посмотрел на людей вокруг. Савва сразу убрал руки за спину.

— Хорошее правило, — сказал Савва. — Мне нравится. Простое, с угрозой.

— Дальше, — сказал Глеб.

Ли перевела взгляд на его ладонь.

— В чёрном круге нельзя произносить полное имя.

— Почему?

— Имя может стать якорем. Вещь, человек и место сцепятся через него.

— Можно ещё проще?

— Если назвать человека полностью рядом с его вещью, печать может найти его даже после смерти.

Глеб не сразу ответил. После ночи это звучало как инструкция к беде.

— И последнее?

— Не применяйте метку, пока мы не понимаем условие.

— А если рядом людей режут?

— Тогда вы всё равно примените.

— Верно.

— Поэтому я должна успеть сказать, куда бить.

Он хмыкнул.

— Вот это уже правило. Остальное похоже на просьбу к дождю.

— Печати хуже дождя. Дождю всё равно, как вас зовут.

Савва поднял угольный карандаш.

— Эту фразу я тоже запишу. Для науки.

— Не надо, — одновременно сказали Глеб и Ли.

Савва довольно кивнул.

— Видите, уже сработались.

Дальше шли молча. Люди берегли дыхание. У одной лошади сбилась подкова, и пришлось остановиться. Боро присела у копыта, посмотрела на гвоздь и сказала, что до заставы дотянет, если не гнать. Никто и не собирался гнать. Даже страх устал.

Глеб отошёл к краю тропы и посмотрел назад. Дым от сгоревшего каравана не поднимался столбом, но серое пятно всё ещё висело над низиной. Нападавших видно не было. Это не успокаивало. Хорошая погоня не показывает себя раньше времени.

Ли остановилась рядом, но не близко.

— Метка болит?

— Вы спрашиваете как лекарь или как хозяйка камня?

— Как человек, который понимает часть правил.

- Тогда болит.
- Сильнее при имени?
- Пока не проверял.
- Не проверяйте специально.
- У вас опять просьба без объяснения.

Она поджала губы. Видно было, что ей трудно говорить просто. Не потому, что не умеет, а потому что привыкла беречь каждое слово от чужих ушей.

— Имя соединяет. Кровь подтверждает. Вещь удерживает. Если рядом есть все три, печать получает путь.

— Значит, вчера эхо держалось на бирках.

— Да. Бирка была вещью с именем. Кольцо собирало их вместе. Ваша кровь разорвала связь.

— Моя кровь теперь всем нравится.

— Не всем. Только тем, кто ищет обход.

— Утешили.

Он пошёл дальше. Ли не стала догонять сразу. Глеб видел краем глаза, как она смотрит на его ладонь. Не жадно. Рабоче. От этого легче не было.

Через полчаса они нашли вещь погибшего дозорного. Кушак зацепился за куст у тропы. Его, должно быть, сорвало ночью, когда людей выводили из круга. Ткань была пропитана дымом, на краю осталась кровь.

Молодой возчик, тот самый, что утром чинил клин в ступице, поднял кушак и побледнел.

— Это Фёдора, — сказал он. — Фёдора Лаптева. Он у склона стоял.

Ли резко повернулась.

— Не надо полным именем.

Поздно.

Метка на ладони Глеба обожгла. Он стиснул зубы и поднял руку. Чёрная линия дёрнулась к кушаку. На ткани, там, где была кровь, выступила тёмная пыль. Сначала немного, потом полоса шириной с палец. Пыль легла точно по месту, где обычно завязывали узел.

Возчик выронил кушак.

— Я ничего не сделал.

— Назвал, — сказал Глеб.

Голос не дрогнул, но ладонь горела, словно под кожу загнали уголь.

Ли быстро вынула из рукава нефритовую пластину. Не коснулась ни ткани, ни руки Глеба.

Провела пластиной над кушаком.

— Не трогать, — сказала она. — Никому.

Савва подошёл ближе.

— Это он? Фёдор?

— Это не человек, — ответила Ли. — Это след связи.

— След связи на мёртвом кушаке звучит хуже, чем просто грязь.

— Потому что это хуже.

Глеб присел рядом с тканью. Чёрная точка на кушаке повернулась к его ладони. Не глазами, не движением живого. Пыль легла новой полосой, направленной к метке.

Он поднялся.

— Что будет, если взять?

— Печать получит ещё один якорь.

— На меня?

— Через вас.

Возчик отступил от кушака.

— Я не знал.

Глеб посмотрел на него. Парень дрожал сильнее, чем ночью под стрелами. Там было понятно, куда бежать. Здесь непонятно было даже, можно ли говорить.

— Теперь знаешь. Полные имена рядом с вещами погибших не произносить.

— А как поминать?

Вопрос был честный и злой. Глеб не нашёл ответа сразу.

Ли сказала тихо:

— Понять, где место безопасно. Потом поминать.

Возчик хотел возразить, но Савва положил ему руку на плечо.

— Запомню я. Всех запомню. Пока без громких слов.

Глеб поднял кушак ножом, не касаясь рукой, и бросил его на плоский камень у тропы. Ли достала маленький мешочек с серой золой и посыпала край ткани. Чёрная пыль перестала ползти, но не исчезла.

— Это надолго? — спросил Глеб.

— До заката или до нового имени.

— Значит, уходим.

После этой остановки люди стали говорить тише. Не от усталости. Теперь каждое имя казалось опасным. Егорка шёл рядом со старухой и всё время открывал рот, но потом закрывал. Для мальчишки молчание было тяжелее ведра.

Глеб подозвал его.

— Что?

— А если я забыл, как кого зовут, это хорошо или плохо?

— Сейчас, может, и хорошо.

— А потом?

— Потом Савва вспомнит. Он для этого умный и несчастный.

Егорка посмотрел на лекаря, который пытался одновременно идти, писать и не упасть.

— Он правда умный?

— Сам спроси.

— Боюсь.

— Значит, точно умный.

Мальчишка впервые за утро улыбнулся.

К полудню тропа стала твёрже. Под ногами пошёл мелкий камень, кусты поредели. Впереди показалась старая насыпь. Боро остановила группу жестом и ушла вперёд одна. Глеб хотел пойти за ней, но она даже не обернулась. Значит, мешать не надо.

Ли встала рядом с ним.

— Вы приняли правило.

— Какое?

— Объяснение до действия.

— Не радуйтесь. Я принял его не для вашего удобства.

— Для своего выживания. Это лучше.

— Вы всегда так ловко соглашаетесь, что хочется спорить дальше.

— Это тоже способ выжить.

Боро вернулась быстро. Лицо у неё стало закрытым.

— Застава впереди. Людей не видно. Дым старый.

— Следы?

— Есть. Свежие.

— Наши ночные?

— Не знаю. Подошва другая. Коней мало.

Глеб почувствовал, как метка на ладони нагрелась. Не резко, как у кушака. Медленно, с тяжестью. Он посмотрел на руку. Первая чёрная линия не изменилась, но от неё пошла слабая серая тень к запястью.

Ли заметила.

— Что?

— Рука говорит, что место ей не нравится.

— Болит?

— Ворчит.

Савва остановился рядом.

— Если рука начнёт советовать, с кем дружить, я снимаю с себя обязанности лекаря.

— Поздно. Ты уже записал мой провал.

— Я не подписывал вечную службу.

— Бумаги у тебя. Сам виноват.

Савва вздохнул.

— Вот так и становятся государственными людьми.

Застава стояла на низком бугре. Когда-то вокруг неё был частокол, теперь остались кривые столбы и провалившиеся ворота. Маленькая изба уцелела наполовину. Крыша просела, но стены ещё держались. У колодца торчал журавль без ведра.

Глеб поднял руку, останавливая людей.

— Все остаются здесь. Боро, со мной. Ли — тоже.

Михаило сразу возмутился:

— Почему она?

— Потому что если там очередной камень с плохими привычками, я хочу услышать это раньше, чем он меня укусит.

Ли посмотрела на него.

— Камни не кусают.

— Ночью я тоже много нового узнал.

Они поднялись к заставе втроем. Боро шла слева, лук в руке. Ли держала свёрток у груди, но обломок под тканью не грелся. Это было даже хуже.

У ворот Глеб присел. На земле были следы. Двое входили утром или ночью. Один тащил что-то длинное. Не тело. Доску.

— Видишь? — спросил он Боро.

— Вижу. Доски несли к стене.

— Зачем?

Боро показала на внутреннюю сторону ворот.

Глеб вошёл первым. Во дворе пахло старой золой и сырой травой. На стене у избы висели таблички. Новые. Светлое дерево, свежий шнур, выжженные имена.

Глеб остановился.

Первую табличку он узнал сразу. Фёдор Лаптев. Тот самый дозорный, чей кушак они нашли у тропы. Рядом висели ещё несколько имён. Марфа с третьей телеги. Прохор. Двое работников, которых увели ночью. Были и другие — из тех, кто сейчас стоял внизу у дороги и ещё дышал.

Ли подошла ближе, но не коснулась стены.

— Их не могли принести раньше нас, — сказала она.

Глеб смотрел на одну табличку. На ней было выжжено: «Егор Ильин». Егорка. Мальчишка стоял сейчас внизу, живой, с пустым ремешком на шее.

Метка на ладони Глеба дёрнулась. На табличке с именем мальчишки выступила чёрная пыль и сразу собралась в точку у нижнего края.

Боро тихо выругалась на своём языке.

Ли сжала свёрток сильнее.

— Это не список мёртвых, — сказала она.

— Тогда что?

— Очередь.

Глеб не сразу ответил. Он смотрел на новые таблички с именами караванщиков, которые ещё не дошли до заставы.

Снизу донёлся голос Саввы:

— Ну что там? Жить можно?

Глеб посмотрел на табличку Егорки и сжал больную ладонь.

— Пока нет, — сказал он.

Глава 9. Брошенная застава

Ли смотрела на таблички и старалась не трогать стену. Дерево было свежее. Шнуры чистые. Имена выжгли недавно, но буквы не пахли дымом. От них тянуло другим запахом — железом и тёплой кожей.

Кровь.

Она подняла нефритовую пластину и поднесла к первой табличке. Пластина сразу потемнела по краю. Ли отдернула руку раньше, чем знак успел ответить полностью.

— Не подходите ближе, — сказала она.

— Это кровь? — спросил он.

— В чернилах. Или под чернилами.

— Чья?

— Не знаю.

— У вас сегодня много честных ответов.

— Они вам не нравятся.

— Зато живые пока полезнее красивых.

Боро стояла у кривого частокола и смотрела не на таблички, а на землю. Она показала на следы у стены.

— Двое ставили. Третий ждал у ворот.

— Когда? — спросил Глеб.

— После ночи. До нас.

— Быстро.

— Много.

Ли наклонилась к нижней табличке. На ней было имя мальчика: «Егор Ильин». Под буквами проступала чёрная пыль. Она собиралась в маленькую точку, как на кушаке погибшего дозорного. Но Егорка был жив.

— Это не список мёртвых, — сказала Ли.

— Ты уже говорила, — ответил Глеб. — Очередь.

— Хуже. Это попытка вывести людей из живой группы заранее.

Глеб понял не сразу, но по лицу стало видно: слово «вывести» ему не понравилось.

— Убрать?

— Не обязательно убить. Сначала отделить имя. Потом человека легче забрать.

— Через табличку?

— Через имя, кровь и место.

Он посмотрел на свою ладонь.

— Всё опять сходится ко мне.

— Пока вы связаны с узлом, да.

— Замечательно. Я всегда мечтал стать дорогой для чужой беды.

Ли не ответила. Шутка была злой, но он имел право на злость.

Снизу поднялся Савва. За ним, прихрамывая, шёл Михаило. Приказчик теперь держался ближе к людям с оружием.

— Что нашли? — спросил Савва.

Глеб показал на стену.

Савва подошёл, увидел таблички и сразу замолчал. Потом достал из папки свой короткий список выживших.

— Егор жив.

— Пока да, — сказала Ли.

— Мне это «пока» не нравится. Оно у вас ходит перед бедой, как приказчик перед недостаточей.

Михаило посмотрел на таблички и побледнел.

— Это не мои люди.

— А чьи? — спросил Глеб.

— Не знаю.

— Ты вообще что-нибудь знаешь до удара?

Приказчик сжал губы и отвернулся.

Изнутри заставы донёлся слабый стук.

Все замерли.

Боро подняла лук. Глеб шагнул к двери избы. Ли хотела остановить его, но промолчала. В этот раз опасность была обычной или нет. Сначала надо увидеть.

Дверь висела на одной петле. Глеб толкнул её носком сапога. Внутри было темно. Пахло старой золой, мышами и гнилыми тряпками. Стук повторился у задней стены.

— Выходи, — сказал Глеб. — Если можешь.

Ответа не было. Только шорох.

Глеб вошёл первым. Ли за ним, держа пластину перед собой. Боро осталась у двери. Свет из проёма падал на пол, и Ли сразу заметила на досках старый знак заставы. Его вырезали возле порога, а потом пытались соскоблить. Поверх неизвестный человек провёл перевернутую половину другого знака.

Пластина в руке нагрелась.

— Стойте, — сказала Ли.

— Под ногой знак.

— Я уже внутри.

— Не делайте второго шага.

Он медленно опустил взгляд. Носок сапога стоял перед вырезанной чертой. Ещё чуть-чуть — и он бы пересёк её полностью.

— Что делает?

— Проверяет родовой знак.

— У меня с родом плохо.

— Ловушка поставлена не на вас.

— На вас?

Ли кивнула. Теперь стало ясно, почему таблички висели снаружи. Их хотели заставить войти быстро. Если бы она первой бросилась к архиву, знак взял бы её кровь и закрыл дверь.

— Хорошо, что я грубый и невежливый, — сказал Глеб.

— Сегодня это уже второй раз полезно.

— Пойдёт в счёт платы.

В углу снова стукнули.

Ли опустилась на одно колено и поставила пластину на край вырезанного знака. Чёрная черта на полу пошла к её руке. Она не дала ей дойти, прижала сверху костяной шпилькой и повернула пластину. Знак вздрогнул. Из щели между досками вылезла тёмная пыль и легла вокруг шпильки.

Ловушка искала родовую подпись Ли. Тогда знак попытался взять кровь с кожи. Ли подняла онемевшую правую руку и специально показала пустую ладонь.

— Поздно, — сказала она.

Глеб посмотрел на неё.

— Вы сейчас с доской разговариваете?

— С условием.

— Доске всё равно обидно.

Савва, стоявший у двери, тихо сказал:

— Я бы на месте доски не связывался.

Ли подавила улыбку. Потом резко нажала на шпильку. Тёмная пыль втянулась обратно в щель. Вырезанная черта на полу стала серой и погасла.

— Теперь можно, — сказала она.

— Сколько времени?

— Пока никто не назовёт здесь полное имя с кровью рядом.

Глеб посмотрел на Савву.

— Слышал?

— Я уже даже думать стал неполными именами.

Они отодвинули лавку. За ней сидел человек в старой стражевой куртке. Борода у него сбилась в ком, губы потрескались. На плече висел ремень с пустыми ножнами.

— Стражник? — спросил Глеб.

Человек моргнул. Глаза были живые, но взгляд не держался на одном месте.

— Приказ был, — сказал он.

— Какой?

— Ждать. Поставить таблички. Не пускать без отметки.

— Кто приказал?

Стражник открыл рот, нахмурился и ударил себя связанными руками по виску.

— Был приказ.

— От кого?

— Был приказ.

Глеб присел перед ним.

— Имя твоё?

Ли резко шагнула ближе.

— Не надо полного.

Глеб бросил на неё короткий взгляд.

— Как тебя звать?

Стражник зажмурился.

— Данила. Кажется.

Савва подошёл осторожно и потрогал его лоб.

— Жар небольшой. Воды надо. И развязать.

— Сначала руки покажи, — сказал Глеб.

Стражник поднял кисти. На запястьях были тёмные следы от верёвки и одна выжженная половина знака.

Она взяла его руку за край рукава. К коже не прикоснулась.

— Кто это ставил?

— Приказ был, — повторил Данила и заплакал без звука. Потом звук вернулся хрипом.

— Я помню, что должен был. Не помню кто велел.

Ли посмотрела на Глеба. Он понял.

— Память сняли?

— Часть. Не всю. Оставили действие.

— Удобно.

— Жестоко.

— Это тоже удобно, если совести нет.

Савва разрезал верёвку. Данила схватил кружку обеими руками и пил быстро. Савва отнял воду.

— Медленнее. Я понимаю, что ты почти умер, но не надо помогать этому делу.

В глубине избы стоял низкий шкаф. Дверца была открыта. Полки пустые, но внизу валялись обгоревшие листы. Михаилу увидел их и шагнул вперёд.

— Это архив заставы.

— Назад, — сказал Глеб.

— Я знаю такие бумаги.

— Потому и назад.

Ли подошла к шкафу. На досках вокруг лежал пепел, но один свёрток уцелел. Его не спасали от огня. Его оставили так, чтобы нашли. Край был опален, шнур перетянут красной нитью.

— Ловушка? — спросил Глеб.

— Да.

— Хорошо, что спросил до того, как взял.

— Вы быстро учитесь.

— Я просто не люблю, когда рука горит по чужой вине.

Ли поставила рядом две нефритовые пластины. Правая кисть не помогала, поэтому узел пришлось раскрывать медленно. Красная нить потянулась к её пальцам. Она сразу прижала её костяной шпилькой к полу. Нить почернела у кончика и перестала двигаться.

Савва сглотнул.

— Она двигалась?

— Да.

— Я надеялся, что мне показалось.

— Нет.

— Спасибо, стало хуже, но честнее.

Ли сняла шнур и раскрыла свёрток. Внутри были обгоревшая ведомость и часть приказа. Бумага пахла гарью. На верхнем листе стояли два официальных знака, которые не должны были быть рядом. Один разрешал проход людей как работников при грузе. Второй выводил их из обычного учёта до прибытия в северный узел.

— Они используют не чужую систему, — сказала Ли.

Глеб наклонился ближе.

— Что это значит?

— Знаки расколоты из официальных. Часть от хранителей, часть от приказной печати.

Их неизвестный человек научил ломать уже готовые правила.

Михаило резко сел на лавку.

— Я этого не знал.

— Верю, — сказал Глеб. — Ты бы испугался раньше.

Михаило не нашёл, что ответить.

Савва взял ведомость и поднёс к свету. Читал он быстро, но лицо темнело с каждой строкой.

— Тут нет товара.

— Совсем? — спросил Глеб.

— Почти. Главное — люди.

— Читай.

Савва помедлил и всё же прочёл не имена, а строки вокруг них:

— Возраст. Родство. Откуда взяты. Кто может искать. У кого долг. Кто без родни.

В избе стало тихо. Даже Данила перестал пить.

Глеб посмотрел на Михаила.

— Ты вёз не работников.

— Я видел только ведомость по грузу.

— А эту?

— Нет.

— Повезло тебе. Был бы умнее — пришлось бы убить.

Савва поднял глаза.

— Не здесь, пожалуйста. Тут и без нас богатая обстановка.

Ли забрала у него лист и сверила нижний знак с тем, что видела на полу. Совпадение было не полным. Половину знака повернули иначе.

— Мне нужно взять ведомость, — сказала она.

Глеб сразу понял цену.

— Она нас замедлит.

— Да.

— Нас преследуют.

— Да.

— И всё равно берёте?

— Без неё мы не докажем, что люди были вписаны в условие. И не поймём, как снять вашу метку.

Глеб смотрел на неё долго. Не как раньше, когда считал её источником беды. Теперь в его взгляде было другое: он видел, что она не всё знает. И всё же пока она была единственным человеком, который умел читать происходящее.

— Берите, — сказал он. — Но несёте не одна.

— Я лекарь, писец, теперь ещё укротитель бумаги, — пробормотал Савва. — Мать всё равно скажет, что надо было идти в торговлю.

Ли передала ему внешний лист, оставив себе фрагмент приказа. На нём сохранилась только нижняя часть строки: «...до открытия считать выведенными». Дальше край сгорел.

Слово «открытие» заставило обломок под её рукой нагреться.

Она не сказала об этом сразу. Глеб заметил.

— Что опять?

— Слово совпало с голосом у ручья.

— «До открытия осталось восемь рассветов».

— Да.

— Бумага это знала раньше нас.

— Не бумага. Тот, кто писал приказ.

Снаружи Боро тихо свистнула. На этот раз звук был обычный. Все услышали.

Глеб вышел первым. Ли за ним. Внизу у дороги люди стояли неровной группой. Раненых уложили у камней. Егорка сидел рядом со старухой и держал у груди пустой ремешок.

На стене заставы одна табличка изменилась.

Имя «Егор Ильин» стало темнее, буквы расплзлись по волокнам дерева. Потом нижняя строка сама выжглась под именем: «выведен из группы».

Глеб бросился вниз.

— Егор!

Мальчишка не ответил. Савва подбежал к нему, схватил за плечи.

— Слышишь меня? Эй, малой!

Егорка моргнул.

— Мне надо идти, — сказал он.

— Куда? — спросил Савва.

Мальчик поднял руку и показал туда же, куда утром указывал нефритовый обломок.

Ли сжала фрагмент приказа. На бумаге проступила чёрная пыль. Та же пыль легла на табличку, на пустой ремешок в руках Егорки и на первую линию метки Глеба.

Теперь связь была видна всем.

Глеб поднял мальчика на руки, хотя тот пытался идти сам. Метка на ладони Глеба почернела по краям, но он не отпустил.

Ли посмотрела на заставу. Табличка больше не менялась. Она сделала своё: имя мальчика вышло из живого счёта группы и стало частью дороги к провалу.

— Снимайте таблички, — сказал Глеб.

— Нельзя руками, — ответила Ли. — Через ткань. И не читать имена вслух.

Боро резала шнуры ножом, обмотав ладонь куском рукава. Таблички падали в траву одна за другой. Когда упала табличка Егорки, мальчик обмяк у Глеба на руках и задышал свободнее.

Но надпись не исчезла. Она перешла на оборотную сторону дерева и стала темнее.

Глеб посмотрел на Ли.

— Вот теперь объясняй быстро.

Ли спрятала фрагмент приказа за пазуху и подняла свёрток с нефритом. Обломок тянул тепло к степному провалу.

— Его имя зацепили. Мы не успеем к крепости.

— Значит, идём туда, куда его тянет?

— Да. Иначе в следующий раз он сам уйдёт.

Глеб посмотрел на мальчика, потом на табличку в траве.

— Савва, мальчика на лошадь. Боро, следы вокруг заставы. Михаило — понесёшь воду.

Приказчик открыл рот и сразу закрыл. После таблички спорить стало труднее.

Ли ещё раз посмотрела на стену заставы. На месте снятых табличек остались светлые прямоугольники. В одном из них проступила новая чёрная точка, будто дерево ждало следующее имя.

Она отвернулась первой.

Группа двинулась к степному провалу, а за их спинами брошенная застава снова стала тихой.

Глава 10. Следы к пустому камню

От заставы ушли быстро, но без порядка. После таблички с именем Егорки люди старались не смотреть назад. У каждого теперь было чувство, будто за спиной на стене осталось место и для его имени.

Глеб нёс мальчишку на лошади перед собой. Егорка сидел плохо, заваливался то вправо, то влево. Взгляд у него был мутный. Когда тропа поворачивала не туда, куда тянуло его, мальчик начинал задыхаться и хватался за пустой ремешок на шее.

— Держи его, — сказал Глеб женщине, которая шла рядом.

— Я держу.

— Крепче. Если начнёт тянуться к земле, не жалея руки.

Женщина кивнула. Она не спрашивала, что с мальчиком. После заставы вопросов стало меньше. Ответы всё равно были плохие.

Боро шла впереди и не спорила с направлением обломка, но вела не прямо. Она уходила то к камням, то к редким кустам, потом снова возвращалась к старой тропе. Ли хромала рядом с Саввой. Правая кисть у неё не двигалась, свёрток с нефритом она держала левой рукой. Савва нёс обгоревшую ведомость в промасленной ткани и всё время проверял, не намочла ли она от пота.

— Если бумага переживёт нас, — сказал он, — прошу считать это не моей заслугой, а её упрямством.

— Береги её, — сказал Глеб.

— Я берегу. Просто хочу, чтобы она тоже старалась.

Михаило шёл с бурдюком за плечом. Вода плескалась у него за спиной, и каждый раз он морщился, будто это было личное оскорбление.

— Я приказчик, — сказал он через несколько шагов. — Не водонос.

— Сегодня ты бурдюк с ногами, — ответил Глеб. — Иди ровнее, вода дороже твоей обиды.

Савва тихо кашлянул, пряча усмешку. Михаило покраснел, но спорить не стал.

Через полверсты Боро подняла руку. Группа остановилась. Глеб передал повод женщине, спешил и поднялся к ней.

На земле перед Боро лежал след. Для Глеба он был обычным: копыто, примятая трава, камень сдвинут носком сапога. Боро смотрела дольше.

— Здесь колонна не шла, — сказала она.

— А след широкий.

— Широкий сделали. Один всадник с запасной лошадей. Вёл туда и обратно, потом прошёл по своим следам.

Глеб присел. Теперь он увидел: края следа повторяли друг друга слишком аккуратно. Настоящая группа оставляет беспорядок. Здесь беспорядок пытались нарисовать.

— Хотели, чтобы мы подумали о большом отряде?

— Да. Или чтобы мы пошли за ним.

— Куда ведёт?

Боро показала на открытое место между двумя низкими холмами.

— Там нас видно издали.

Глеб посмотрел на раненых. В открытой степи их настигнут до темноты. Бежать они не смогут. Драться строем тоже. Оставалось сделать так, чтобы преследователи сами потеряли время.

— Сколько у нас пустых выюков?

Савва подошёл ближе.

— Пустых? После ночи у нас почти всё пустое. Особенно надежды.

— Вьюки.

— Три. Один рваный, но если не смотреть внутрь, выглядит богато.

— Отлично. Пусть выглядит.

Глеб подозвал двух возчиков. Они сняли с лошадей пустые мешки, набили травой, сверху привязали обрывки ткани от брошенного сундука. Михаило увидел знакомый кусок дорогого сукна и сдавленно охнул.

— Это товар!

— Был товар. Теперь приманка.

— Вы издеваетесь.

— Нет. Когда издеваюсь, люди смеются.

Савва оглянулся на усталую группу.

— Публика сегодня тяжёлая.

Глеб дал Боро знак. Она выбрала старую кобылу, привязала к ней два вьюка и провела лошадь по ложному следу к открытому месту. Потом вернулась по камням, где след не оставался.

— Если за нами идут, часть уйдёт за лошадью, — сказала она.

— А если все умные?

— Тогда нам не повезло.

— Хорошо, что сказала мягко.

Боро пожала плечом.

— Мягко быстрее.

Они двинулись дальше. Небо темнело с запада. Дождь ещё не начался, но воздух стал тяжёлым. Порох уцелел не весь. Несколько рожков ссыпали в один кожаный мешок и завернули в промасленную тряпку. Глеб велел держать его у Саввы: лекарь ругался больше всех, но вещи не терял.

— Если промочишь, — сказал Глеб, — будем кидаться ругательствами.

— У меня запас хороший, — ответил Савва. — Но дальность слабая.

Ли догнала Глеба, когда тропа пошла к низким камням.

— Нужно решить, что мы считаем проверенным.

— Опять правила?

— Без них вы будете ждать от метки того, чего она не делает.

— Пока она делает больно и портит жизнь. Это я проверил.

— Она реагирует на имя, кровь и предмет. Ещё она ломает условие, если есть якорь и физический контакт.

— Без руки в огонь не работает?

— Пока не видела, чтобы работала.

— Значит, говорите так. «Пока не видела». Не «нельзя», не «должно», не «так устроено».

Ли посмотрела на него внимательно.

— Вы хотите, чтобы я отделяла знание от догадки.

— Хочу знать, где можно верить, а где вы сами смотрите в темноту.

— Это справедливо.

— Не надо так быстро соглашаться. Мне потом не на что злиться.

— Найдёте.

— Уже нашёл.

Она улыбнулась, но сразу сжала свёрток: обломок нагрелся. Глеб увидел это по её пальцам.

— Что?

— Камень рядом.

— Ваш обломок или дорожный?

— Дорожный.

Они нашли его за поворотом, на низкой насыпи. Камень стоял один, вросший в землю. Верх был сбит, место названия стесали давно. На боку сохранились два знака: старый дорожный сбор и та же перевернутая половина служебной метки, что на заставе.

Глеб остановил людей до подхода.

— Боро?

Она обошла камень по кругу, не приближаясь вплотную.

— Следов мало. Двое были ночью. Один подходил к знаку. Второй стоял дальше.

— Табличек нет?

— Нет.

Ли подошла с пластиной. На этот раз Глеб встал рядом и не дал ей коснуться камня.

— Сначала словами.

Она кивнула и поднесла пластину на расстояние ладони. Нефрит потемнел у края, но не треснул.

— Один знак как на первом камне. Второй связан с заставой. Это одна система.

— Куда ведёт?

Ли повернула обломок. Чёрная линия внутри него легла в сторону болотной поймы, где темнели камыши.

— Туда.

— Что там?

— Малый якорь.

— Это проверено?

— Проверено, что камни ведут к нему. Не проверено, что он делает.

— Варианты?

— Может удерживать путь. Может возвращать должников. Может отмечать проход.

— То есть может помочь, а может ударить.

— Да.

Глеб посмотрел на небо. Первые капли падали на пыль, оставляя тёмные точки. Дождь скоро сотрёт часть следов, но вместе с тем испортит порох и загонит людей в камыши. В открытой степи под дождём они станут медленнее, а преследователи на свежих лошадях всё равно догонят.

— Боро, через пойму пройти можно?

— Можно. Плохо.

— Это лучше, чем «нельзя».

— Там вода по колено, местами глубже. Камыш режет лицо. Лошадей вести трудно.

— А засада?

— В камышах близко увидим поздно. Зато и нас издали не увидят.

Ли сказала:

— Если это активный круг, внутри обычный отход может не сработать.

— Что значит «обычный отход»?

— Если войдём неправильно, дорога назад может вывести не туда, откуда вошли.

Савва перекрестился.

— Мне всё меньше нравится география с характером.

Глеб посмотрел на раненых. Один сидел на земле, прижав руку к боку. Другой дышал коротко, с открытым ртом. Егорка у лошади снова тянулся лицом к камышам.

— В степи нас догонят, — сказал Глеб. — У воды хотя бы есть шанс.

Михаило шагнул вперёд.

— Вы ведёте людей в болото из-за камня и мальчишки.

— Из-за следов, дождя и людей, которые хотят нас догнать.

— А если там хуже?

— Тогда ты скажешь «я предупреждал», если останется рот.

Савва поднял руку.

— Я предлагаю сохранить рот. У нас мало посуды, а Михаило хоть воду носит.

Приказчик зло посмотрел на него, но бурдюк поправил крепче.

Глеб велел всем обмотать ноги выше сапог, у кого была ткань. Лошадям сняли лишний груз. Порох Савва завернул ещё одним слоем, ворча, что если мешок станет толще, его придётся лечить отдельно. Ли прикрепила ведомость к седлу под промасленную кожу. Обломок она не выпускала из руки.

Боро снова ушла вперёд. Вернулась быстро.

— Ложный след сработал.

— Видела?

— Два всадника ушли за кобылой. Ещё трое идут по нашему следу.

— Далеко?

— Пока далеко. Дождь поможет.

Глеб кивнул.

— Значит, уходим сейчас.

Первые полчаса они шли по твёрдой земле. Потом под ногами зазвучала вода. Тропа стала ниже, трава выше. Камыши впереди стояли плотной стеной. Над ними летали мелкие птицы. Когда грянул дождь, птицы сразу ушли вниз, и всё место стало теснее.

Глеб поставил Боро первой, сам шёл за ней, чтобы видеть её знаки. Ли держалась рядом с Егоркой. Мальчишку привязали к седлу широким ремнём, чтобы он не сорвался и не пошёл за зовом имени. Ему это не нравилось.

— Я не маленький, — сказал он.

— Сегодня все маленькие, — ответил Савва. — Даже Михаило. Просто он тяжёлый.

— Я слышу, — буркнул приказчик.

— Хорошо. Значит, живы оба уха.

Дождь усилился. Вода стекала по лицам, забивалась за ворот. Порох теперь годился только если Савва действительно завернул его лучше, чем молился. Глеб проверил ладонь. Метка под дождём не бледнела. Первая линия оставалась чёрной, а край второй едва серел под кожей.

Ли заметила.

— Болеть стало сильнее?

— Нет. Но рука стала умнее меня. Ей туда нравится.

Он показал на камыши.

— Не нравится. Отвечает на якорь.

— Мне без разницы, как называется беда, если она тянет за руку.

— Названия важны.

— Для вас. Для меня важно, куда бить.

Ли помолчала.

— Тогда бейте по тому, что связывает. Не по тому, что пугает.

— Хороший совет. Жаль, обычно пугает именно оно.

Камыши приняла их резко. Сразу стало темно и мокро. Стебли били по лицу, цеплялись за одежду. Боро шла медленно, выбирая кочки. Один раз она провалилась по бедро, выбралась сама и показала рукой правее. Глеб передал знак назад.

Раненые двигались хуже. Лошадь с Егоркой застряла у корня. Мальчик вдруг выпрямился в седле.

— Там огонь, — сказал он.

Все остановились.

— Где? — спросил Глеб.

Егорка смотрел вперёд, но камыши закрывали обзор.

— Там. Он зовёт.

Ли подошла, положила пластину рядом с ремешком на его шее, не касаясь кожи. Пластина потемнела.

— Имя реагирует.

— Табличка осталась на заставе.

— Связь осталась.

Глеб снял с пояса нож и разрезал пустой ремешок.

Егорка вздрогнул и будто проснулся.

— Я что-то сказал?

— Сказал, что Михаило понесёт тебя на руках, если ещё раз полезешь в болото.

Михаило побледнел.

— Я не понесу.

— Вот видишь, — сказал Глеб мальчику. — Все испугались. Держись за седло.

Егорка кивнул и вцепился в луку.

Они прошли ещё немного. Вода поднялась до колен. Дождь бил по камышам так часто, что в обычном месте погасил бы любой огонь. Здесь же впереди мелькнул свет.

Один. Потом второй. Потом сразу несколько.

Глеб поднял руку, останавливая группу. Огни стояли в камышах на одной высоте, будто неизвестный человек держал фонари. Но людей не было видно. Свет не качался от ветра, не тускнел под дождём и не отражался в воде как обычное пламя.

Боро медленно натянула тетиву.

— Не стреляй, — сказал Глеб.

— Пока не во что.

Ли встала рядом. Нефритовый обломок у неё в руке нагрелся так, что пар пошёл от мокрой ткани.

— Малый якорь, — сказала она.

— Проверено?

— Теперь да.

Из камышей впереди одновременно вспыхнули новые огни. Дождь лил прямо на них, но пламя не шипело и не гасло. Метка на ладони Глеба ответила болью, и вторая линия под кожей стала видна отчётливее.

Глава 11. Камышовая переправа

Огни в камышах горели под дождём. Вода стекала по стеблям, падала в чёрную жижу, шипела на мокрой траве, но пламя не гасло. Оно стояло на одной высоте, будто его держали невидимые руки.

Глеб поднял левую руку, останавливая людей. Правая ладонь болела, пальцы хотелось разжать и бросить вместе с меткой в воду.

— Все назад на две сажени. Раненых к кочкам. Без шума.

Люди начали пятиться. Вода тянула сапоги, камыши цеплялись за рукава, лошади мотали головами. Егорка сидел в седле и смотрел на огни. Губы у него шевелились, но слов не было.

Ли подошла к нему и поднесла нефритовую пластину к пустому ремешку на его шее. Пластина почернела у края.

— Его имя тянет туда, — сказала она.

— Снять можно?

— Полностью — нет. Ослабить — да. Нужна вода из круга.

Глеб посмотрел на огни.

— Конечно. Вода сама не могла быть здесь.

Савва, стоявший по колено в жиже, поднял обмотанный мешок с порохом выше.

— Если это промокнет, стрелять будем мнением.

— Тогда береги его.

Боро ушла вперёд. Она шла по кочкам. Через несколько мгновений вернулась и показала рукой правее.

— Есть тропа. Старая. Вода ниже. Но она входит между огней.

— Другой проход?

— Есть. Глубже. Раненые не пройдут.

Глеб оглянулся. Двое раненых едва держались. Третьего вели под руки. Лошадь с Егоркой дрожала, хотя день ещё не остыл до ночи.

— Значит, пойдём между огней.

Ли резко посмотрела на него.

— Пока я не поставлю линию, огонь может перейти воду.

— Он и так горит под дождём.

— Поэтому и говорю.

Она опустила руку у кромки воды. Правая рука у неё не работала, поэтому пластину она держала левой. Из свёртка достала короткую нефритовую иглу, уколола себе палец и коснулась каплей крови мокрой травы.

Глеб увидел действие сразу. Капля не растворилась. Она легла на воду тёмной точкой и потянулась вдоль кромки, оставляя за собой бледный след. Дождь бил по нему, но след держался. Ближайший огонёк отступил на ширину ладони.

— Это надолго?

— Пока вода между нами и огнём.

Ветер ударил сбоку. Камыши наклонились, пламя на дальнем краю потянулось через мокрые стебли. Ли стиснула зубы и переставила иглу. Бледная линия сместилась. Огонь снова остановился.

— Я не смогу идти первой, — сказала она. — Линию надо вести за группой.

— Тогда Боро ведёт. Савва — с ранеными. Двое с копьями по бокам. Ли — за ними. Я последним.

— Вам нельзя оставаться рядом с огнями.

— Им тоже нельзя рядом с людьми.

Она не спорила. Боро пошла первой. За ней повели лошадь с Егоркой. Раненые ступали медленно. Вода иногда поднималась до бёдер, и тогда люди цеплялись за камыши, ломали стебли, ругались вполголоса. Дождь хлестал по лицам. Огонь стоял по обе стороны тропы, не касаясь воды, но светил так близко, что мокрые рукава казались красными.

Глеб шёл последним и всё время смотрел назад. Через камыши слышались чужие шаги. Преследователи вошли в пойму следом и теперь пытались не шуметь. Получалось у них лучше, чем у караванщиков.

Боро остановилась впереди. Подняла кулак.

Из правого камыша вылетела стрела. Она ударила в воду у ноги Глеба. Вторая задела копьё охранника и сбила его в сторону.

— Живого взять! — крикнул Глеб.

В этот раз голос прозвучал хрипло, но люди услышали.

Двое охранников двинулись с ним правее. Боро прикрыла их стрелой. В камышах мелькнул человек в тёмной шапке. Он отходил не к своим, а к одному из огней, будто знал, что там его не догонят.

Глеб бросился за ним. Вода ударила по коленям. Правая ладонь обожгла так резко, что он едва не упал. Метка тянула к огню, а не к человеку.

— Стоять! — крикнул охранник.

Человек рванул быстрее. Боро выстрелила низко. Стрела вошла ему в голень. Он упал лицом в воду, захрипел и попытался вытащить нож. Глеб успел раньше. Прижал его руку сапогом, выбил нож и перевернул пленного на спину.

На запястье у того был такой же перевёрнутый знак, как у стражника на заставе.

— Живой? — спросил охранник.

— Пока да.

Пленный засмеялся. Смех был мокрый, с кровью.

— Вы уже внутри.

Камыши вокруг группы зашевелились. Стебли легли друг к другу, сцепились верхушками и образовали низкий тёмный свод. Путь назад пропал первым. Потом затянулась тропа впереди Боро. Огни стали ближе.

Егорка закричал. Он дёрнулся в седле, ремень удержал его, но лошадь встала на дыбы. Савва бросился к ней, схватил повод и повис на нём всем весом.

— Да стой ты, хвостатая беда!

Лошадь опустилась, едва не наступив ему на ногу.

Ли ударила нефритовой иглой по воде. Бледная линия вспыхнула и удержала огонь у края тропы, но камышовый свод не разошёлся.

— Это не огонь, — сказала она. — Это запрет выхода.

— Где якорь?

Она повернулась к свету впереди.

— Камень. Должен быть у переправы.

— Должен?

— Малый якорь ставят у сухого края. Но здесь всё сдвинуто водой.

Пленный снова засмеялся.

— Отмеченные не выйдут. Должники не выйдут. Свидетель останется.

Глеб ударил его рукоятью в челюсть. Смех оборвался.

— Много слов для человека с дырой в ноге.

Савва связал пленному руки ремнём и потащил его к группе.

— Беру живого. Но если он будет много говорить, лечение станет задумчивым.

Огонь пошёл ближе. Ли переставила линию, но ветер снова менял направление. Дождь усилился. Вода поднялась, раненые теряли опору, пороховый мешок у Саввы намок снаружи. Обычный выстрел теперь мог не взять, а фитиль доставать не стоило.

Глеб пробрался к Боро.

— Камень видишь?

— Впереди. У воды. Но к нему не пройти прямо.

Она показала между стеблями. Там в красном свете огней выступал низкий камень. Верх у него был сбит. На мокром боку чернела перевёрнутая половина знака.

— Держи людей. Я к нему.

— Один?

— Не начинай.

— Просто спрашиваю, сколько потом тащить.

— Если упаду, тащи за левую ногу. Правая сегодня важная.

Ли добралась до него, тяжело дыша.

— Метка сработает только при касании якоря.

— Это я уже понял.

— Цена будет за путь.

— Какая?

Она не ответила сразу.

— Ли.

— Я не знаю точно.

— А примерно?

— Печать возьмёт связь с дорогой. С тем, кто однажды вывел вас с дороги или показал путь.

Глеб вдруг вспомнил зимнюю тропу, хруст снега под ногами, чужую спину впереди и смех через плечо. Имя было рядом, на самом краю памяти. Он не стал тянуться к нему.

— Можно без этого?

— Если найдём другой якорь. Но огонь дойдёт раньше.

Глеб посмотрел на людей. Егорка дрожал в седле. Раненый у воды лежал с синими губами. Савва держал пленного и лошадь, а Михаило стоял с бурдюком и выглядел не виноватым, а пустым.

— Тогда потом запишешь, что потерял.

— Я не хочу угадывать вашу цену после.

— Значит, не угадывай. Смотри.

Он двинулся к камню.

Первые шаги дались легко. Потом вода ушла из-под ног, и Глеб провалился по пояс. Холод ударил в живот. Камыши сомкнулись над головой. Он поднял меч, раздвинул стебли и пошёл на свет. Огонь лизнул мокрый рукав. Не сжёг, но метка на ладони ответила болью.

Камень был ближе, чем казался. Глеб добрался до него на коленях, ухватился за верхний край левой рукой. Правую не хотел подносить сразу. Но чёрная линия сама потянулась к знаку на камне, и пальцы разжались без его согласия.

— Ну уж нет, — прошипел он.

Он сам прижал ладонь к мокрому боку камня.

Печать сработала сразу.

Огонь не погас. Камыши не исчезли. Сначала только вода под ладонью пошла кругом. Чёрная линия на коже Глеба вошла в перевёрнутый знак. Камень стал горячим. Потом в голове открылся путь.

Он увидел не это болото, а другую дорогу. Снег, тёмные ели, низкое небо. Он молодой, злой, голодный. Рядом идёт человек в рваном полушубке и всё время оглядывается, чтобы Глеб не отстал.

— Дорога здесь, — говорит тот человек. — Не по следу иди. След для тех, кто хочет, чтобы его нашли.

Глеб помнил голос. Помнил, как тот человек делил с ним последнюю лепёшку. Помнил, как умер весной у сгоревшей заставы, закрыв Глеба собой. Помнил кровь на снегу, чужую руку на своём воротае, последние слова.

Имя не пришло.

Глеб сжал зубы и придавил ладонь сильнее. Знак на камне треснул. Вода вокруг пошла назад, против течения. Камышовый свод над группой разомкнулся. Между огнями открылась узкая тёмная полоса.

— Идти! — крикнул Глеб.

Теперь голос ударил по воде и пошёл дальше. Люди услышали. Боро первой протолкнула лошадь с Егоркой к проходу. Савва поволок пленного. Ли держала свою линию, пока последний раненый не прошёл между огнями.

Камень под ладонью Глеба раскололся.

Боль в руке оборвалась. На миг стало легко. Легко. Потом из памяти выпало имя.

Не воспоминание. Не лицо. Только имя человека, который когда-то показал ему дорогу и умер за него. Место имени осталось пустым, как выжженная строка на табличке.

Глеб отнял ладонь. На коже вторая линия почернела наполовину, хотя до следующего рассвета было далеко.

Он выбрался к проходу последним. Боро схватила его за плечо и вытянула на твёрдую кочку. Ли стояла рядом, мокрая, бледная, с нефритом в руке.

— Что потеряли? — спросила она.

Глеб хотел ответить сразу и не смог. Перед глазами стоял тот человек. Его смех, походка, привычка ругаться перед едой, потому что так, по его словам, хлеб лучше идёт. Всё было на месте.

Кроме имени.

— Путь, — сказал Глеб. — Нет. Не путь.

Савва подошёл, тяжело дыша. Пленный лежал у его ног, связанный и злой.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Савва.

— На другом берегу.

— Как сюда вышел?

Глеб посмотрел на камыши. Он знал, как. Через разорванный запрет. Через камень. Через чужую смерть в памяти. Но имя человека, который научил его не ходить по следу, не возвращалось.

— Был у меня в дружине человек, — сказал Глеб медленно. — Он меня по зимней дороге вывел, когда за нами шли. Потом погиб.

Савва смотрел на него не как лекарь на рану, а как писец на пропавшую строку.

— Силян?

Глеб услышал имя и кивнул не сразу. Слово было понятным. Чужим. Как название дальнего города, где он никогда не был.

— Может быть, — сказал он.

Савва побледнел.

— Ты же сам мне про него рассказывал.

— Значит, рассказывал.

Ли закрыла глаза на один удар сердца. Когда открыла, в её лице не было защиты.

— Цена взята.

Глеб повернулся к ней.

— Ты сказала «связь с дорогой». Не сказала, что имя уйдёт.

— Я не знала, что именно.

— Удобно.

— Нет.

— Для меня нет. Для тебя пока очень.

Она выдержала взгляд.

— Запишите его.

Савва сразу достал мокрый клочок бумаги.

— Имя?

Глеб хотел произнести. Язык не нашёл слова. Он посмотрел на Савву.

— Ты сказал.

— Силан, — тихо повторил Савва.

Глеб услышал это имя снова. Оно не стало ближе. Не вернулось в память. Стояло рядом с человеком, которого он помнил без имени.

За спиной Ли сказала Савве:

— Запишите: первое полное применение. Цена — имя проводника из прошлого.

— Не проводника, — сказал Глеб.

Они оба замолчали. Он сам не знал, почему возразил. Человек был не проводник. Друг, брат по оружию, долг — всё подходило не до конца. А имя звучало чужим фактом из чужих уст.

Савва написал, прикрывая бумагу от дождя ладонью.

В камышах позади снова вспыхнул огонь, по ту сторону воды. Проход закрылся. Пленный поднял голову и улыбнулся разбитым ртом.

— Теперь он знает цену, — сказал он.

Глеб посмотрел на него.

— И ты сейчас узнаешь, что бывает после лишних слов.

Савва кашлянул.

— Живым, помнишь? Нам нужен живой.

— Я помню многое, — сказал Глеб и сжал правую ладонь. — Просто не всё с именами.

Имя, произнесённое Саввой, ещё стояло в воздухе. Для всех оно значило человека. Для Глеба — только запись, которую он не мог узнать.

Глава 12. Имя, которого нет

Сухой островок нашёлся в темноте. Боро вывела людей к нему через заросли камыша, где вода доходила до колен, а местами хватала за пояс. Островок был небольшой: несколько кочек, старая коряга, полоса твёрдой земли и кусты, за которыми можно было спрятать раненых от ветра.

Дождь не прекращался. Костёр развели не сразу. Мокрые ветки дымили, огонь цеплялся за бересту, Савва ругался на него ласково, будто на больного, который никак не хочет жить.

— Давай, милый, — бормотал он, раздувая слабое пламя. — У нас тут люди с дырками, пленник с дурной головой и Глеб с рукой, которую лучше не показывать детям. Не время тебе изображать благородную смерть.

Огонь всё же взялся.

Ли села рядом с раненым охранником и помогла Савве стянуть повязку. Правая кисть болела и слушалась плохо. Рана была глубокая, но кровь шла медленнее.

— Выживет? — спросил Глеб.

Он стоял у коряги, мокрый до нитки.

— Если перестанет пытаться умереть назло мне, — ответил Савва. — Я с такими не люблю работать. Упрямые.

Раненый открыл глаза.

— Я слышу.

— Хорошо. Значит, ещё живой и можешь не мешать.

Пленного привязали к коряге. Ногу ему перевязали грубо, чтобы не истёк кровью до допроса. Он сидел, вытянув раненую ногу, и смотрел на Глеба. На лице у него запеклась кровь, губа распухла после удара. Запястья связали ремнём, на одном запястье темнела перевёрнутая половина знака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.